

Ветер Мечты

ЕЛЕНА ПЕРВУШИНА

ЛЕТУН

Mystic & Fiction

Mystic & Fiction

Елена Первушина

Летун

ИД «Флюид ФриФлай»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Первушина Е. В.

Летун / Е. В. Первушина — ИД «Флюид ФриФлай»,
2019 — (Mystic & Fiction)

ISBN 978-5-906827-84-5

Странное общество, странная наука, странные семейные отношения. Но такое понятное стремление подняться в небо! Куда оно в итоге приведет героев? Когда ищешь – обязательно что-нибудь находишь. Но совсем не обязательно именно то, что искал... А что случится, если исполнение любых желаний станет повседневной реальностью? Смогут ли разумные жить в мире, где воля каждого может оказаться законом мироздания? Не перебьют ли они друг друга? Кто знает. Ведь вполне может оказаться так, что огромные возможности порождают и огромную ответственность....

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906827-84-5

© Первушина Е. В., 2019
© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Содержание

Летун	6
Пролог. Летун отпущен на свободу	7
Часть первая. Я	11
Глава 1. Я и Ти	11
Глава 2. Я тоже плачет	12
Глава 3. Аверил отправляется в путь	14
Глава 4. Аверил в пути	17
Глава 5. Аверил и Ти	20
Глава 6. Аверил и Я	26
Часть вторая. Зеленый палец	33
Глава 7. На борту «Ревущего»	33
Глава 8. В Городе Сорока Островов	37
Глава 9. На морском берегу	39
Глава 10. На морском берегу (продолжение)	44
Глава 11. На морском берегу (окончание)	47
Глава 12. В Мастерской	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Елена Первушина

Летун

© Е. Первушина, 2019

© ООО ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Летун (роман)

*Перешагни, перескочи,
Перелети, пере- что хочешь –
Но вырвись: камнем из пращи,
Звездой, сорвавшейся в ночи...*

В. Ходасевич

*Кому-нибудь не спится
В прекрасном далеке
На крытом черепицей
Старинном чердаке.*

*Он смотрит на планету,
Как будто небосвод
Относится к предмету
Его ночных забот.*

Б. Пастернак

Пролог. Летун отпущен на свободу

В старину говорили, что когда Великий Мастер хочет испытать человека, то он прежде всего испытывает его терпение. «И посылает ему кого-то, кто задает дурацкие вопросы!» – мог бы добавить Аверил.

– Так вы действительно называете себя летунами? – Господин Старший Муж возвел очи к небу и прижал ладони тыльной стороной ко лбу, демонстрируя ужас перед столь явным святотатством.

Аверил тоже был готов задрать повыше голову и взвыть от досады: парад уже начался, а он вовсе не там, где ему по всем законам божеским и человеческим следует быть, – не в ангаре с «Лапочкой» – а здесь, на трибуне, при Господине Старшем Муже, который то ли искренне, то ли в каких-то своих целях решил разыграть приступ благочестия. Но отец Остен очень хотел заполучить партию бамбука для своих экспериментов с легкими планерами, а потому пришлось терпеть и улыбаться.

– Нас называют летунами, – осторожно сказал Аверил. – Но не часто. Вы не должны забывать, что в наших широтах живые летуны...

– Мы предпочитаем называть их Друзьями, – тут же одернул его Господин Старший Муж.

– В наших широтах живые Друзья не водятся, – исправился Аверил и заработал изумленный взгляд от матушки Остен, сидевшей по левую руку от него.

Кажется, матушка Остен не прислушивалась к разговору, а услышала только последнюю фразу и конечно же не могла не удивиться. Аверил подарил ей любезную улыбку. Матушка Остен поджала губы. Аверил ее прекрасно понимал: он занимал место ее супруга. Отец Мастерской должен восседать на трибуне, показывая себя городу и миру, а его, Аверила, место в ангаре, чтобы проводить «Лапочку» в полет и... да, еще раз лично проверить, как уложен парашют.

«Зачем я учил иностранные языки?! – с тоской подумал Аверил. – Зачем учил так хорошо? На математику надо было налегать – тогда у отца Остена не было бы повода всучивать мне всякого иноземного гостя и сбегать в ангар, под крыло к “Лапочке”».

По площади шагала гвардия Государственного совета – золотые кокарды, синие мундиры, красные всплески орденских лент; эхо металось между колоннами и балконами окружающих площадь домов, но Аверил не отрывал взгляда от неба – самолеты уже должны были стартовать и пройти над площадью в ближайшие минуты. И в самом деле, где-то у самого горизонта, на пределе видимости ему удалось различить две темные точки. Аверил повернулся к матушке Остен – Господина Старшего Мужа он предпочитал не тревожить, пока тот помалкивает, – и увидел, что почтенная дама извлекла из сумочки огромный флотский бинокль и также неотрывно вглядывается в двух крошечных мух, внезапно замаячивших в ослепительно синем летнем небе. Потом матушка Остен опустила свой «лорнет», медленно покачала головой и протянула его Аверилу. Он прильнул к окулярам, и сердце у него упало...

Одного взгляда на абрисы стремительно приближавшихся к площади бипланов было достаточно, чтобы понять: это иностранные гости-гастролеры «Бриз» и «Фортуна». «Лапочка», носившая в официальных пресс-релизах гордое имя «Звезда Севера», в воздух так и не поднялась.

* * *

– Значит, фыркает? – Отец Остен, бессменный руководитель Мастерской на протяжении последних двадцати лет, укоризненно поглядел на «Лапочку». – Фыркает, говорите?

– Да ни в коем разе! – Ланнист, ответственный за полет механик, вытер лоб черной от грязи и масла рукой. – Как продули, так ни в коем разе уже не фыркает. Хрюкает и визжит даже. Видно, всерьез раскапризничалась.

Остен тоже вытер лоб и глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. Кажется, Ланнист в свое время похоронил в себе поэта. Может, оно и к лучшему, что похоронил, и все-таки хотелось бы, чтобы могила была поглубже и честный механик выражался бы не так витиевато. Пару минут назад, когда отец Остен как раз собирался проводить в ангар важных гостей из военного ведомства, ему буквально при всем честном народе доложили со слов ответственного механика, что мотор «Звезды Севера» «фыркает и фордыбачится». Пришлось раскланиваться перед важными гостями, уговаривать их посидеть пока на трибунах и уходить, ловя спиной не слишком уважительные взгляды и мысленно подсчитывая утекающие сквозь пальцы деньги. Нет чтобы сказать что-нибудь вроде «подготовка к запуску идет успешно, но пилот хотел бы уточнить некоторые детали лично с вами, отец Остен». Кто угодно догадался бы как следует подать неприятное известие – кто угодно, только не его ребята. Им главное, чтобы машина была в воздухе, а дальше – трава не расти.

Пока он спешил к ангару, Ланнист переменил свое мнение. Теперь мотор уже не «фыркал и фордыбачился», а хрюкал и повизгивал. Причем ухо отца Остена не различало никаких тревожных звуков. Мотор как мотор. Не искрит пока. Так в первый раз, что ли?!

Гораздо больше капризов мотора беспокоил отца Остена полосатый конус – измеритель силы ветра, поднятый высоко на мачте над летным полем. Если полчаса назад, когда Остен уходил из ангара, этот конус лишь слабо подпрыгивал и снова лнул к мачте, то теперь он залихватски выплясывал в вышине. Ветер пока что был «свежий», но набирал силу с каждой секундой, и Остен знал: не он один, видя эти ужимки и прыжки, вспоминает такой же ясный и ветреный день, когда «Малыш» внезапно клюнул носом, сорвался, Эспер не сумел выровнять его и мгновением позже оба – «Малыш» и его летчик – превратились в огромный погребальный костер, а потом в черный жирный пепел, оставив вдовами и «Лапочку», и молодую жену Эспера.

Остен стоял, засунув руки в карманы, ему не хотелось ни одним словом, ни одним движением выдавать сомнения, которые его сейчас одолевали. Может, это и к лучшему, что «Лапочка» сегодня раскапризничалась? Может, ну их всех в болото: и парад, и вояк с их деньгами – и умнее сейчас отступить, признать, что полеты небезопасны и не будут безопасными еще лет десять, если не больше. Пускай там «Бриз» с «Фортуной» потешают почтенную публику, а мы уйдем, пусть проигравшими, но достойно, опять на зимние квартиры, на гроши, подкинутые любопытствующими доброжелателями, полусумасшедшими патриотами, экстравагантными купцами. Уйдем, чтобы через десять – да пусть даже через двадцать! – лет выкатить на поле машину, которая не будет ни фыркать, ни фордыбачиться, ни хрюкать, ни визжать, а будет работать – без капризов, без неприятных сюрпризов будет ездить по воздуху, как по земле.

Он глянул на конус (все та же опасная свистопляска), на суетившихся вокруг «Лапочки» подручных Ланниста, потом перевел глаза на кабину пилота. И на Гая – второго коротышку в их команде (на три сантиметра выше Эспера и на пять килограммов тяжелее) – последнего, кто мог вписаться между штурвалом и огромным спиртовым баком, не утратив ни свободы движения, ни присутствия духа. Гай, не снимая огромных шоферских очков, помахал отцу Остену, показал на винт и выразительно крутанул кистью – давайте, мол, шеф, заводите.

«Они не поймут», – осознал вдруг Остен.

Что не простят – ладно, неважно, простят, никуда не денутся, слишком дисциплинированны и хорошо воспитаны, чтоб не простить. Но не поймут, даже если попытаются. Если сейчас он даст отбой, позволит «Бризу» и «Фортуне» безраздельно господствовать в небе, он потеряет не только деньги и внимание правительства – он потеряет всю команду и будет просто не с

кем строить ту идеальную чудо-машину, которая сейчас предстала в его мечтах. Они, конечно, не уйдут из мастерской, такого давно не бывало, чтобы ученики уходили из мастерской, а эти не настолько безумны, чтобы пойти на открытое восстание. Нет, они просто опустят руки и будут терпеливо ждать, пока он сам под давлением «обстоятельств непреодолимой силы» объявит о закрытии Мастерской так же, как сейчас собирается объявить об отмене полета. Они еще слишком молоды. Да и случившееся с Эспером – не повод, чтобы остановиться и подумать, а только новый вызов. И если через минуту Гай, как и Эспер, взойдет на жертвенный костер, это только добавит им злости и азарта.

«Молодость, – подумал Остен. – Что ты с ней сделаешь?! Мало им того, что они унаследуют землю после нас, они полны решимости довести нас до ручки еще при жизни».

Вздыхнув, он поманил рукой Ланниста:

– У нас ведь найдется в хозяйстве стальной трос?

Через минуту трос был намотан на ось пропеллера – шоферские очки Гая подсказали отцу Остену идею, – и вся компания, включая Остена, но исключая Гая, с веселым уханьем раскручивала несговорчивый мотор. А еще через пару минут капризуля, словно проникшись общим энтузиазмом, деловито затарахтел, и «Лапочка» грузной утиной походкой побежала по взлетному полю, подскакивая на колдобинах, потом под дружное «ура!» взмыла в воздух.

* * *

Если кто-то еще на границе или уже в столице сказал заезжим летунам с «Бриза» и «Фортуны»: «Добро пожаловать, почувствуйте себя как дома!», – то они восприняли эту формулу вежливости слишком буквально. Выкомаривали в воздухе такое, что Аверил лишь скрипел зубами в бессильной злости. «Фортуна», взрывая моторами, раз за разом пронеслась над трибунами, заставляя дам пригибаться, хватаясь за шляпы, и визжать от восторга. «Бриз» же, забравшись вверх на сотню метров, замер на секунду, как на вершине горы, и отвесно ринулся вниз.

– Падает! – ахнули на трибунах.

– Катастрофа!

– Батюшки! Что делается?!

По счастью, «Бриз» падал не на трибуны, а на опустевшее в тот момент поле, так что паника не началась, напротив, все замерло в жадном нетерпении: ой, что сейчас будет! Но на сей раз ничего страшного не случилось. Почти у самой земли «Бриз», словно поймав невидимую волну, выровнялся и стал описывать над полем широкие круги. Публика взревела от восторга.

Матушка Остен спрятала бинокль в сумку, достала вязание и углубилась в работу, демонстрируя соседям по трибуне, что ее несколько не занимают штуки заезжих гастролеров. Увы, ее патриотический порыв остался практически незамеченным. Господин Старший Муж так и сидел в столбняке: видно, он наконец понял, почему авиаторов называют летунами – потому что они правда летают, – и теперь пытался как-то вписать эту сокрушительную истину в свою насквозь религиозную голову так, чтобы оставить место для Основного Догмата: Не Дано Подняться В Воздух Никому, У Кого Менее Четырех Рук.

Аверил в тоске уставился на дальний конец поля. По сценарию, под занавес должны были появиться танки – еще одно пикантное новшество в системе обороны страны, вполне способное возбудить дам и отвлечь их от небесных фигляров. Но танков пока не было, и с каждой секундой позорный провал Мастерской становился все очевиднее и все нестерпимее.

«Мне там надо быть! В ангаре!» – думал Аверил. Хотя, по правде говоря, вряд ли он смог бы чем-нибудь помочь – были в Мастерской люди и постарше, и поопытнее. Но страсть как

не хотелось идти на дно, не попытавшись прежде сделать невозможное и, если не получится, повторить попытку еще раз.

И тут случилось чудо.

Аверил и матушка Остен не смотрели в небо, а потому пропустили появление «Лапочки». Они просто услышали знакомый гул моторов, подняли головы и больше уже не могли смотреть ни на что другое и думать ни о чем другом. Теперь их, как прежде Господина Старшего Мужа, разбил религиозный паралич.

«Лапочка» медленно, широкими кругами набирала высоту. Шла она ровно, не вихляясь, не дергаясь и не подскакивая, просто забиралась все выше и выше, прямо к солнцу, оставив далеко внизу и «Бриз», и «Фортуну».

Вот «Бриз» пошел на снижение, следом за ним потянулась и «Фортуна», но «Лапочка» только разогрелась. На трибунах задирали головы, ложились на спины, лишь бы не упустить ни мгновения из ее «царственно-прекрасного», как напишут назавтра в газетах, полета. По расчетам Аверила, она поднялась уже по меньшей мере на четыреста метров и уверенно укладывала под свои крылья пятую сотню. Оркестр грянул гимн. И когда на поле выползли танки – маленькие и неуклюжие, похожие на огромных лягушек, присевших на задние лапы, – «Лапочка» чинно покачала крыльями, приветствуя детей братской Мастерской, и зрители, опомнившись наконец, разразились аплодисментами. Дамы замахали зонтиками, мужчины заулюлюкали, и Аверил едва расслышал, как рядом с ним Господин Старший Муж шепчет: «Довольно, довольно, так не должно... я должен...»

В первую секунду Аверил просто не обратил на этот шепот внимания, а потом уже было поздно – Господин Старший Муж сполз с трибуны, проскользнул между рядами скамеек вниз, к Парадному Полю, пригнулся и мгновенно, как-то легко и изящно, нырнул под ближайший танк.

Аверил успел увидеть это короткое движение, но больше не успел ничего – ни вскочить, ни крикнуть. Гусеницы танка без труда перемололи тело Господина Старшего Мужа, смешав его плоть с той самой землей, где, по его мнению, должны были навечно оставаться все, у кого меньше четырех рук.

Оркестр взвизгнул и смолк. На трибунах ахнули. Танкист, ощутив неожиданное препятствие, свернул в сторону и заглушил мотор.

«Он же ничего не мог увидеть! – с ужасом подумал Аверил, воображая себя на месте невольного убийцы. – Там же просто узкая щель и видно, наверное, только башню того танка, что впереди, а вниз просто не посмотришь! Бедный парень!»

А в ясном синем небе над их головами непричастная земным заботам, гордая и свободная «Лапочка» – теперь истинная «Звезда Севера» – завершала свой царственный, победный полет.

Часть первая. Я

Глава 1. Я и Ти

Ти бежала по мокрой от дождя мостовой, подобрал юбки, то и дело оскальзываясь на камнях. Здесь, в Квартале Предков, можно было появляться лишь в ритуальных деревянных сандалиях на высоких каблуках, так что у Ти замерзли пальцы ног и, кроме того, она поминутно рисковала подвернуть щиколотку, и тогда весь ее сегодняшний отчаянно смелый план пойдет насмарку.

«А вот Я надевает сапоги! – билось в голове у Ти. – Говорит, что под юбками все равно ничего не видно, и надевает. А я – дура!»

В результате она все-таки споткнулась – уже на ступеньках, но, к счастью, смогла удержать равновесие и не ударилась.

Заслышав звон колокольчика на двери, Учительница Моэ пошевелилась за ширмой (до Ти долетел тихий скрип шелка) и негромко произнесла:

– На этот раз ты не опоздала, дитя. Вижу, наш разговор пошел тебе на пользу.

Ти скользнула в раздевалку, быстро ополоснувшись в лохани, даже не почувствовав, холодная вода или теплая, и натянула платье и пелерину для танцев, принадлежащие Я. Пока все шло хорошо. Еще вчера вечером, когда мать объявила Я день уединения и велела служанке известить Учительницу Моэ, что ее ученица пропустит занятие, Ти поняла, что судьба дает ей шанс. За серебряную монетку служанка согласилась забыть о поручении. Мать не стала проверять – она никогда не сомневалась в своем авторитете и даже мысли не допускала, что служанка может послушаться, а младшая дочь – воспротивиться уготованной судьбе. Если уж Эстэ Спиренс как-то обмолвилась за обедом, что ее старшая дочь Янтэ станет Танцовщицей, а младшая – Тиэ – унаследует дом и торговлю, то это равнозначно тому, что за летом приходит осень, а за осенью зима. Однако Тиэ не была бы дочерью своей матери, если бы не попыталась поспорить с судьбой.

Сняв сандалии, она скользнула в полумрак зала и преклонила колени на песке танца. Услышав ее шаги, Моэ вскинула голову и, не говоря ни слова, придвинула к себе поближе две высушенные челюсти Летуна – верхнюю и нижнюю. Костяные наросты на челюстях при соприкосновении издали негромкие четкие щелчки. Так перекликались между собой Друзья, так испокон веков со времен заключения первого Союза и основания первой Школы отбивали ритм для Танцовщиц.

Под сухой и четкий ритм Тиэ вскинула руки, неприятно удивившись их тяжести – в край пелерины вшивали свинцовые грузики, для того чтобы сделать движения Танцовщиц более скупыми и отточенными. У Тиэ никогда не было своего платья для танцев, и на секунду она испугалась, что ничего не сможет и просто опозорится, но тут же, как всегда, когда ей бывало тяжело, поспешно подумала: «Это не я, это не со мной!» – и забыла о себе. Остались только щелканье челюстей да холодный неровный песок под ногами. На рассвете служки переворачивали его граблями и накидали туда камней и узловатых веток, чтобы песок стал похож на сухую землю в Рощах Друзей. И сейчас Тиэ чувствовала эти неровности при каждом шаге. Только они больше не были помехой – наоборот, они были опорой, и в те секунды, что проходили между шагом и шагом, между камнем и камнем, между щелчком и щелчком, Тиэ казалось, что она парит, поднимается над землей, что она закручивает вокруг себя весь мир. (Разбила одно слишком длинное предложение на два.) Она чувствовала взгляды невидимых Друзей, словно и в самом деле была в роще, а не в Школе танцев, и без страха открывала им свои руки и свое сердце.

Внезапно ритм смолк, могучая волна, подхватившая Тиэ, мягко отхлынула. Девушка зашаталась, едва удержав равновесие. Она чувствовала, как капли пота текут по спине, как все мышцы дрожат от усталости.

– Подойди ко мне, дитя, – голос Моэ звучал ровно и безразлично, но у Тиэ сжалось сердце.

Она сделала несколько шагов и, все еще не сходя с песка танцев, опустилась на колени перед сидящей на подушке старухой.

– Подними голову, – приказала Моэ.

Тиэ подчинилась. Теперь она ясно видела странные белесые глаза учительницы – подарок Друзей, который те давали лишь самым великим Танцовщицам. Белая дымка, затягивавшая хрусталик с ходом лет, делала Моэ полуслепой в обычном мире, но позволяла отсеять детали, сосредоточившись на языке движений, на самой сути Танца. Это означало, что Танцовщица может стать Учительницей.

Жесткие сильные ладони Моэ легли на лицо Тиэ, пальцы медленно сползали от лица к подбородку, читая черты. У Тиэ бешено колотилось сердце. Она не сомневалась, что Моэ ее раскроет, лишь надеялась, что это случится после танца. Так оно и случилось. Дальше, ей мечталось, Учительница положит ей руку на плечо и скажет: «Встань, девочка. У тебя душа Танцовщицы. Я поговорю с твоей матерью, чтобы она отдала тебя учиться. Грешно зарывать такой талант в землю».

– Встань, дитя Младшего Мужа, – произнесла Моэ. – Ты хорошо танцевала, но ты не должна впредь нарушать волю твоей матери. Возвращайся домой и прими свою судьбу.

Тиэ знала, что не должна возражать, что спорить бессмысленно и этим она лишь выкажет неуважение к Учительнице, но она знала и то, что это ее последний шанс.

– Мне кажется, что моя судьба здесь, – прошептала она.

– Если бы твоя судьба была здесь, ты не проникала бы сюда обманом, – голос учительницы был так же сух и равнодушен, как щелканье челюстей Друзей. – Иди, дитя Младшего Мужа, и больше не пытайся достичь своего бесчестными средствами.

Тиэ закусила губу, чтобы не расплакаться. Заплакала она уже в раздевалке, когда снимала пелерину и проклятая свинчатка больно ударила ее по спине.

Глава 2. Я тоже плачет

День уединения полагалось проводить лежа на полу, чтобы яснее почувствовать свою ничтожность и холод матери-земли. В комнате Янтэ в тот день, также во исполнение обычая, не топили, зато в соседних комнатах служанок печи с самого утра были жарко натоплены, и под нижними краями ширм гуляли волны теплого воздуха. Эстэ Спиренс всегда очень точно знала, что ей нужно: ее дочери должны были оставаться благочестивыми и здоровыми в равной мере.

Янтэ в черных одеждах дня уединения лежала у самых ширм, закинув руки за голову, однако мысли ее были далеки от благочестивой отрешенности – наоборот, она напряженно вслушивалась в звуки дома. После обеда все на час расходилось по своим комнатам: пока хозяйка Эстэ почивала, она не терпела в доме шума, а слух у нее был, как у самих Друзей.

Вот прозвучал колокол, отмечая конец обеда, вот заскрипели по всему дому двери, зашлепали сандалии. Наконец все стихло так, что стал слышен скрип флюгера над крышей.

Янтэ вскочила на ноги, скинула черные одежды и, оставшись в исподнем цвета бурых листьев, забралась на кровать. Достала из тайника между кроватью и стеной потрепанную тетрадь, сунула в сумку и навалилась на оконную раму.

С немалым трудом ей удалось приподнять ее примерно на треть высоты окна. Янтэ скользнула в щель, прыгнула наземь и, прижимаясь к стене дома, побежала к кухонному павильону. На стене у двери висели шаровары и накидка судомойки. Янтэ натянула их, прихватила

еще и сандалии, потом снова вышла во двор и вывела из-под навеса старый раздолбанный велосипед.

Усадьба Спиренс стояла на холме, с которого открывался великолепный вид на город. Но для Янтэ это великолепие было привычным, да и к тому же все ее внимание было поглощено тем, как справиться с капризным рулем на грязном скользком склоне. Поэтому она не удостоила и взглядом одноэтажные кварталы, в которых уже загорались фонари, мохнатые черные шарики деревьев, поднимавших к небу кроны почти из каждого двора, темную широкую ленту реки, бегущую от гор на западе до великих болот в дельте на востоке.

Годы обучения в Школе Танцовщиц не прошли даром – Янтэ отлично держала равновесие. Ее не вышибли из седла ни ухабы, ни колдобины, полные жидкой грязи после недавних дождей. Девушка одним махом пролетела аристократические кварталы, затем ей пришлось притормозить и влиться в спешащую к парому толпу мужчин и женщин в таких же, как и у нее, простых одеждах, на таких же дешевых старых велосипедах. Это была прислуга, торопившаяся использовать свой обеденный час, наступавший как раз после обеда хозяев, – для многих из них единственный час в сутки, который они проводили с семьей. Одна из древнейших традиций столицы и одна из причин, по которой Эстэ Спиренс предпочитала брать в услужение одиноких.

Велосипедисты спустились в пойму реки. Здесь царствовал сырой нездоровый воздух с восточных болот. Весь берег был застроен маленькими лавочками и кухнями, где можно купить готовый обед для семьи – кусок утки или сома, пойманных в прибрежных тростниках, и стопку лепешек из тростниковой муки, а для тех, кто победнее, – просто обжаренные в золе мучнистые и сладкие тростниковые корни да горсть жирных улиток. Над трубами кухонь поднимался в небо черный едкий дым. У Я сразу же защипало в носу, а рот наполнился слюной, как у маленькой аристократки из детской книжки, которая была такой обжорой, что съедала даже грубый хлеб, предназначенный для лошадей, а потом очень об этом жалела. К счастью, у Я не было времени, чтобы лакомиться деликатесами поймы и выяснять, какое действие они окажут на ее желудок. Она завела велосипед на паром и всю дорогу стояла у перил, нетерпеливо притопывая ногой и глядя в темную торфяную воду.

На правом низменном берегу реки располагались кварталы бедноты. Янтэ без труда нашла среди деревянных лачуг белое каменное здание миссии. Ее основали три года назад торговцы из Аврелии, для того чтобы учить своему языку и своим наукам мужчин и женщин, работавших на их фабриках. Сейчас ученики как раз с гомоном и веселыми разговорами высыпали на крыльцо – для Янтэ, привыкшей к молчаливой вежливости прислуги, это было так непривычно, что она невольно посторонилась и прижалась к стене. Впервые она испугалась людей, которых обычно едва замечала: здесь, на правом берегу, они были слишком живыми.

Впрочем, если Я что-то и унаследовала от своей матери, так это умение идти прямо к цели, не обращая особого внимания как на других, так и на себя. А поскольку целью ее сегодня был невысокий пожилой человек в аврелианском костюме, вышедший из школы следом за учениками, то Янтэ оставила велосипед у стены и храбро протолкалась к нему сквозь толпу спешивших по домам рабочих.

– Простите, господин Учитель, не могли бы вы уделить мне минуту своего времени?

Она постаралась ничем – ни изяществом поклона, ни произношением, ни выбором слов, ни интонацией – не показать своего аристократического происхождения. И преуспела. Учитель похлопал ее по плечу и сказал со вздохом:

– Ну, пойдем, милочка. Что у тебя стряслось?

Янтэ нервно хихикнула. «Милочка», рука на плече – настоящий аврелианин, прямо как в комических спектаклях. Ох и потешаются же над ним втихую его ученицы!

Они вошли в класс. Янтэ с любопытством рассматривала непривычную обстановку: белые оштукатуренные стены, прямоугольные высокие столы, жесткие стулья. И снова, как на

пароме, ее ноздри расширились, только на этот раз она ловила запахи нового, невиданного, неслыханного, нечуянного – запахи другой страны и других людей, другого мира.

Она снова поклонилась Учителю и затараторила быстрой скороговоркой, какой обычно говорила прислуга, никогда не рассчитывающая, что у хозяина хватит терпения дослушать до конца.

– Я мою посуду в одном доме, но очень хочу знать ваш язык, и брат мне дал ваш учебник, и я училась сама, но я не знаю, правильно ли я научилась, и прошу вас проверить то, что я написала.

Она вытащила из-за пазухи тетрадь и протянула Учителю. Там было несколько коротких рассказов, одним из которых она особенно гордилась. Янтэ научилась читать по-аврелиански быстро и довольно бегло. Среди аврелианских книг, тайком от матери купленных на рынке, был томик стихов. Одно из стихотворений – о старом поэте, который пытается согреться вином, кутаясь в дырявый плащ, – показалось ей похожим на детскую сказку, которую она слышала от няни. И Янтэ попыталась пересказать ее на чужом языке, втайне надеясь, что когда-нибудь автор стихотворения прочтет ее пересказ и удивится.

И теперь ей не терпелось выслушать мнение настоящего аврелианца о своей работе.

Учитель сел за стол, достал очки, водрузил на нос, открыл тетрадь. Янтэ не могла отвести от него глаз: непривычная манера сидеть на стуле прямо, не откидываясь назад, склоняться над текстом, вместо того чтобы поднимать его к свету, – все это так захватило ее, что она не сразу поняла слова учителя. Но когда поняла, уши ее запылали.

– У вас постоянно ошибки в окончаниях. А это азы, милочка. Вот здесь. И здесь, и здесь. И еще вы все время путаете предлоги. Так что даже трудно понять, что вы пытаетесь сказать. Ну-ка, прочитайте, что вы тут понаписали!

Янтэ принялась читать, от волнения сбиваясь на каждом слове. Она уже поняла, что ничего не выйдет, что она сваляла дурака еще год назад, когда вообразила, что достаточно умна для того, чтобы во всем разобраться самой. И сейчас ей хотелось одного – ничем не выдать своего отчаяния. Впрочем, на этот счет она могла не беспокоиться: учитель ничего не замечал, кроме ее ошибок.

– Нет, прекратите, это невозможно. У вас просто невозможный акцент. Думаете, если научились разбирать слова в книгах, то уже знаете язык? Так это проще всего. Но только с такими знаниями вас никто не поймет.

Даже голос его изменился, стал резким, визгливым. На крыльце он излучал искреннюю доброжелательность, теперь же не менее искренне сердился за то непотребство, которое она учинила с его родным языком. И именно потому, что его гнев был искренним, Янтэ не могла, как ни пыталась, рассердиться на него в ответ – она сердилась только на себя. А он сурово внушал ей, что так дело не пойдет, она должна прийти и начать заниматься с азов. Пусть накопит денег и приходит в следующем году...

– Я не могу, – сказала она реке, когда возвращалась домой на пароме. – Я должна стать Танцовщицей и танцевать перед Друзьями. Я никогда не смогу учиться говорить на другом языке, никогда не увижу другие страны.

Вздыхнула и поймала языком слезу, скатившуюся по щеке...

Глава 3. Аверил отправляется в путь

Позже в газетах писали (мелким шрифтом на второй странице): «К сожалению, праздник омрачился досадным происшествием. Некий обыватель, напившись пьян, не усидел на трибунах и скатился на поле прямо под гусеницы танка».

Аверил знал, что это неправда. И у него была изжога. Не оттого, что газеты вдали – эка невидаль в самом деле! – а оттого, что понимал: если Господин Старший Муж поступил так на трезвую голову – значит, у него была веская причина.

Зато другая новость совсем не тревожила Аверила: тут было все понятно и обычно. Отец Остен – старый, добрый и э-э-э... наивный человек – полагал, что после триумфа «Лапочки» он получит от военного министерства кучу денег и полную свободу творчества. Вместо этого он получил весьма скудную финансовую помощь (так что Мастерская по-прежнему существовала в основном на деньги меценатов, в том числе семейства Аверила) и в нагрузку – шесть молодых офицеров, которых обязался научить пилотажу в течение полугода. Самолеты Мастерской предлагалось использовать прежде всего для разведки или для доставки донесений на линию фронта, и министерство полагало, что шести человек будет вполне достаточно, чтобы, с одной стороны, идти в ногу со временем, а с другой – не слишком отрываться от земли и не удаляться в область «беспочвенных мечтаний».

Отец Остен, услышав о перспективах, мгновенно остыл к столь желанному прежде сотрудничеству и тут же свалил обучение новых пилотов на... кого бы вы думали? Разумеется, на Аверила!

«У тебя, мой дорогой, благородное происхождение, – в который раз напомнил он юноше. – Эти хлыщи будут слушать тебя внимательнее, чем меня».

Объяснение было что надо, не подкупаешься, но Аверил в глубине души понимал, что ему пытаются сбагрить работу, от которой все другие отказались. В том не было ничего необычного – с самого начала он был занят в Мастерской в роли «поди-принеси», а в плохие дни полагал, что держат его здесь исключительно из-за денег его родителей. В хорошие же дни Аверил приходил к выводу, что сам виноват – с его ростом и крепким сложением самое место в кавалерии, и там он был бы не из последних. И ходил бы сейчас не в заляпанном комбинезоне, а в красивом темно-синем мундире с алым кантом, как двое из новеньких – Ротар и Севридж (в Мастерской их за глаза звали Ротор и Статор). Еще в группе было трое саперов и один артиллерист. Поначалу, пока шли теоретические занятия, они легко обгоняли кавалеристов – математическая подготовка и практическое знание материалов давали себя знать. Но когда дошло до первых полетов, выяснилось, что кавалерия и здесь впереди на лихом коне. Ротар и Севридж обладали той безрассудной и одновременно хладнокровной смелостью, которая издавна культивируется в закрытых военных академиях, что позволяло им летать легко, красиво и всегда немного вызывающе. Саперы и артиллерист были более осторожны, а потому чаще падали – это в очередной раз укрепляло Аверила в мысли, что мир несправедлив. Впрочем, рано или поздно падали все, и вскоре ученикам пришлось сменить мундиры на комбинезоны и вернуться в ангар, чтобы научиться чинить то, что они поломали.

Они как раз возились всей группой с отлетевшим шасси, когда в ангаре появился старший сын Остена и передал Аверилу, что мастер вызывает его к себе.

Аверил крикнул Ланниста, попросил его следить за новичками и вышел на улицу. День был серенький, дождливый, но ветер набирал силу, быстро гнал к горизонту темные тучи. Аверил прикинул, что, если повезет, завтра они смогут хорошо полетать.

Шагая по разъезженному в грязь летному полю, он добрался до дома мастера и долго вытирал в прихожей ботинки, прежде чем постучаться в дверь кабинета.

Остен отозвался, Аверил открыл дверь и замер на пороге – рядом со столом мастера, вцепившись в штору когтями, сидел Летун. Иссиня-черные кожистые крылья были сложены на спине. На скрип открывающейся двери он повернул голову и ожег Аверила взглядом двух круглых желтых глаз – широко, как у лошади, разнесенных по сторонам узкой длинной морды. Челюсти твари клацнули, на секунду между ними показался гибкий розовый язык.

– Присаживайся, мальчик, – как ни в чем не бывало заявил отец Остен.

– Откуда нам такая честь? – осторожно спросил Аверил, усаживаясь в кресле.

– Что за честь, когда нечего есть! – хохотнул отец Остен, никогда не упускавший, особенно в присутствии Аверила, случая побравировать своим деревенским происхождением и вставить в речь какую-нибудь простонародную поговорку. – Мы отправили официальное соболезнование на Западные острова, и потом, нужно же было узнать, что делать с прахом. И сегодня его жена прислала нам письмо... вот с этим вот. Она хочет, чтобы кто-нибудь из нашей Мастерской привез урну в ее дом и заодно готова заключить контакт на поставки бамбука. А поскольку семейство это весьма уважаемо в тех краях, то... – и он замолчал, выразительно глядя на Аверила.

Тот вздохнул. Что ж, этого следовало ожидать.

– Вы не знаете, когда из Рестиджа уходит ближайший корабль? – спросил юноша.

– Через полторы декады. Хватит времени на сборы?

– Конечно.

– Тогда можешь хоть сейчас ехать в город. От занятий с учениками я тебя освобождаю.

* * *

Когда Аверил зашел в ангар, чтобы попрощаться, все – и ученики, и механики – столпились у входа и следили за взмывшим в небо Летуном. Не обращая никакого внимания на усиливающийся дождь, зверь широкими взмахами крыльев уверенно набирал высоту, потом, поднявшись под облака, поймал ветер и лениво заскользил на запад к близкому морю.

– Здоров, бродяга, – вздохнул восхищенно Сид-артиллерист. – Почему мы не строим такие машины? Чтобы тоже крыльями махали?

Аверил поморщился:

– Группа Тиссена в Зеленой Лагуне пытается. Сделали более пятнадцати моделей. Ни одна не продержалась в воздухе дольше десяти секунд. И не продержится. Выброшенное время.

– Почему вы так уверены? – не отставал Сид. – Если бы мы, – «Мы!» – Аверил не сдержал улыбку: по крайней мере, этому он их научил, – смогли построить аэропланы, которые приводятся в действие мышечной силой человека, нам не пришлось бы при каждом падении бояться пожара.

– Потому что человек не приспособлен для полета, – устало ответил Аверил. – Вот смотрите, – он подобрал валяющуюся под ногами фанерку и бросил на улицу у порога ангара; черные ручьи жидкой грязи тут же окружили ее кольцом. – Смотрите внимательно, как грязь обтекает ее. Десять лет назад Мартн из Мастерской Элрджа впервые попытался описать этот процесс. Он установил, что отдельные частицы, движущиеся с одной и с другой стороны, достигают точки слияния одновременно, за счет чего поток остается сплошным. Следовательно, если форма пластинки будет несимметричной, им придется двигаться с разной скоростью. То же самое происходит и в воздухе с крылом летуна. Оно слегка вогнутое. Его верхняя поверхность длиннее нижней. Следовательно, частицам воздуха, бегущим поверху, приходится преодолевать больший путь, и чтобы не разрывать поток, они вынуждены двигаться с большей скоростью. В результате возникает разница в давлении над и под крылом, и отсюда – подъемная сила. Но для этого необходим поток – то есть движение воздуха относительно крыла или крыла относительно воздуха. Если вы бросите бумажный самолетик, он какое-то время пролетит сам – ровно до тех пор, пока скорость потока будет достаточной, чтобы создавать подъемную силу и поддерживать его в воздухе. Если вы бросите самолетик при сильном попутном ветре, он пролетит дальше. Но летун гораздо тяжелее бумажного самолетика. Для того чтобы создать поток, который бы удерживал его в воздухе, он должен постоянно двигаться – то есть махать крыльями. По крайней мере до тех пор, пока не поднимется достаточно высоко, чтобы поймать подходящее воздушное течение.

– А почему этого не может сделать человек? – упрямо спросил Сид.

– Потому что человек не приспособлен для полета, – повторил Аверил. – Вы видели Летуна на земле? Вот так же примерно человек выглядит в воздухе, даже в аппаратах Тиссена. Кости летуна полые, это снижает его вес. Практически все мышцы крепятся к крыльям. Он живет для полета и только для этого. А у нас еще много других функций. Поэтому мы недостаточно сильны для того, чтобы поднять себя в воздух и разогнать себя до нужной скорости, нам приходится пользоваться моторами.

– Но мотор и бак с горючим – дополнительная тяжесть. Причем чем дальше мы хотим улететь, тем больше горючего должны взять, тем тяжелее будет самолет и тем труднее его разогнать.

– Да. И тем больше горючего ему потребуется. Поэтому мы постоянно балансируем на грани. Кстати, скоро я уезжаю на западные острова, где попытаюсь закупить бамбук. Это позволит нам облегчить планер и выиграет для нас еще немного высоты и расстояния.

– Господин Аверил, – подал голос Зед, один из саперов. – А если бы люди были немного тяжелее, они совсем не смогли бы летать?

– При нынешнем уровне развития техники – нет, – ответил Аверил.

– Но тогда получается, что Великий Мастер создал нас с тем расчетом, чтобы мы все же смогли полететь, но только если очень постараемся. В смысле, если хорошенько поработаем головой?

– Не знаю, он мне не докладывал, – усмехнулся Аверил: с этими учениками вечно было так – под конец они обязательно придумывали что-нибудь, на что он не знал, как ответить. Мгновенный укол досады – почему он сам никогда не был таким?! – Ну что ж, – он взглянул на всю группу, пытаясь встретиться глазами с каждым. – По крайней мере, вам будет над чем подумать, пока я буду в отъезде.

Глава 4. Аверил в пути

Летуну потребовалось около семи суток на то, чтобы преодолеть расстояние между западным побережьем Аврелии и самым восточным из Западных островов. И все последующие две декады Аверил жгуче ему завидовал. Длительные перелеты отнимают немало сил, они опасны, однако Летун свободен, он дышит чистым воздухом, играет с ветрами, любит море и небом. А несчастный пассажир пакетбота отдает свою свободу и жизнь в чужие руки и может лишь молиться о благополучном исходе путешествия.

По законам Западных островов чужие суда не могли заходить в их порты, поэтому все торговые и пассажирские перевозки осуществлялись собственными кораблями. А так как строить морские суда там не умели, то капитаны-островитяне покупали задешево старые посудины в той же Аврелии. К таким заслуженным старушкам относилась и «Колдунья» – небольшой парусник, на котором установили паровую машину и гребные колеса. Правда, за время плаванья машина работала от силы пару десятков часов – море штормило, машина барахлила, грозила вот-вот сорваться с креплений, и капитан предпочитал идти под парусами.

Прежде чем подняться на борт, Аверил подписал контракт, в котором значилось, что он обязуется «быть спокойным, покорным и довольствоваться назначенными нормами пищи и воды, а также обещает согласиться с уменьшением этих норм, если это будет нужно при плохой погоде и в связи с затянувшимся путешествием». Впрочем, во время пути ему ни разу не приходило в голову требовать увеличения «норм» – главными продуктами питания на корабле были сало с горохом и соленый сыр, совершенно не возбуждавшие аппетит, а вода уже через неделю стала ощутимо пованивать. К счастью Аверила, несмотря на аристократическое происхождение, природа наградила его луженым желудком, поэтому он мужественно переносил качку и скверную кормежку.

За время плавания Аверил поднимался на палубу считанное число раз и видел одно и то же: иссиня-серое небо, низко бегущие облака и глянцево-серые, словно вылитые из стали, волны, которые прокатывались-протягивались под килем с такой неумолимой равнодушной силой, что даже луженый желудок Аверила начинал жалостно ныть.

Каюта, одна из лучших на корабле, также не отличалась особым комфортом. Там был иллюминатор, который почти никогда не открывали, зато в него было направлено дуло огромной пушки, ствол которой тянулся через всю каюту. Аверил с тревогой поинтересовался, с кем они собираются перестреливаться в пути, но его успокоили, заверив, что пушка здесь такая же пассажирка – она едет в поместье одного из островитян вместе с полудюжиной статуй и мраморными солнечными часами. Гамак Аверила висел прямо над стволом пушки и так близко к потолку, что в постели лишь с трудом можно было сесть. Когда работали насосы, по полу каюты текла вонючая трюмная вода. Каюту и кубрик разделяла лишь полотняная завеса, что позволило Аверилу немало освежить свой словарный запас родного и иностранного языков. Большинство слов, доносившихся из-за завесы по вечерам, он уже слышал во время учебы в школе для мальчиков, но несколько ярких и сочных выражений узнал впервые и запомнил на будущее.

Кроме Аверила, на корабле плыли трое фабричных инженеров, возвращавшихся из отпусков, и один торговец скобяными изделиями. Все они бывали на островах, и Аверил не упустил возможности расспросить их о тамошней жизни. Инженеры порадовали его рассказами о том, что местные шляхи «хорошо знают дело», «совершенно не ломаются и не жеманятся», а «из-за того, что покрой их одежды чрезвычайно примитивен, употребить их гораздо проще, чем столичную дамочку в корсете и турнюре». Торговец оказался более осведомленным. Ему случалось бывать не только в публичных, но и в богатых домах, разговаривать с местными «купцами», а точнее «купчихами».

– Все дела у них ведут женщины, – рассказывал он Аверилу. – То есть мужьям можно показать товар, обсудить цену или сроки. Особенно со старшими. Младшие – обычно просто мальчишки для утех, разве что стихи почитают или на флейте поиграют. Но если подпишешь с ними договор, можешь тут же им подтереться – эта бумажка ничего не значит. Кошелек всегда у женщины.

– Странно... Почему так?

– Так уж у них повелось. Они рассказывают, что когда-то их острова были завоеваны большим царством, что лежит к западу, за горами. И люди из этого царства научили мужчин с островов писать. А женщин учить не стали. И женщины по старинке вели хозяйство, делая для памяти зарубки на кухонных досках: сколько чего куплено, сколько заплачено, сколько израсходовано и все такое. А потом один из их князей поднял восстание, прогнал захватчиков и запретил мужчинам писать на чужом языке. А свой они к тому времени уже забыли. И тогда оказалось, что писать и считать умеют только женщины, вот они и взяли деньги в свои руки. Брежут, наверное, но складно...

* * *

И все же Аверил завидовал летуну. Лежать целыми днями в гамаке, принаравливаясь к качке, было хуже самой тяжелой работы. Поэтому, когда корабль подошел к Гавани Кантии – единственного из Западных островов, куда допускались иностранцы, – и Аверил выбрался на палубу, держа саквояж в одной руке, а другой – бережно прижимая к себе урну с прахом Господина Старшего Мужа, его пошатывало от усталости. Сначала он долго не мог понять, где начинается твердая земля. Вся гавань – длинный эстуарий полноводной реки – была сплошь заставлена плотами, между которыми корабль лавировал с изяществом кота, пробирающегося к блюду с ветчиной между хрустальными бокалами на праздничном столе. На плотках стояли

хижины, зеленели огороды, дымились сложенные из глины очаги. Корабль время от времени замирал у одного из дощатых настилов, сбрасывал трап, и пара туземцев ловко взбиралась на борт, предлагая путешественникам свежую зелень, жареную рыбу, остро пахнущую незнакомыми пряностями, или яркие шерстяные накидки. С моря дул свежий и холодный ветер, и когда Аверил увидел, как торговец и инженеры достают из саквояжей накидки и надевают прямо на сюртуки, он отбросил смущение и купил себе темно-синий плащ, расшитый алыми маками – это была наиболее скромная расцветка из тех, что попались ему на глаза.

Наш путешественник живо воображал себе, как будет шататься по улицам незнакомого города в поисках гостиницы, сверкая алыми маками и с трудом подбирая слова, но эта экстравагантная прогулка, по счастью, не состоялась – на таможне Аверила уже ждал слуга дома Спиренс. Было очевидно, что его хозяйка – особа известная и уважаемая: чужестранца тут же провели в отдельную комнату, усадили, угостили горьким и обжигающе-горячим чаем и крошечными сладкими пирожками, а затем без всяких промедлений вручили Хранителю Праха (таков был почетный титул Аверила во время его пребывания на острове) шелковый шнур с семью хитро завязанными узлами, каковой подтверждал полную благонадежность своего хозяина и его право пребывать на Западных островах столько, сколько будет необходимо для надлежащего исполнения всех обрядов.

После этого Аверил и слуга дома Спиренс уселись в поданную к крыльцу повозку, в которую был впряжен низкорослый, косматый и крутолобый бычок, глянувший на чужестранца из-под длинной челки неожиданно живыми и сердитыми глазами. Аверил поспешно задернул шторы. Все это было слишком. Слишком шумно, слишком ярко, слишком необычно. Слишком многое требовало, чтобы его увидели, рассмотрели и осмыслили. Устало откинувшись на спинку сидения, он подумал: «Каково-то было Господину Старшему Мужу у нас? Каково это было – решиться умереть на чужой земле и знать в последние секунды, что никогда не увидишь привычного мира? И что могло заставить этого пожилого и рассудительного человека сделать такое?»

* * *

Хозяин гостиницы был родом из Аврелии, а потому она оказалась восхитительно обычной и заурядной. С одним лишь отличием от привычных Аверилу гостиниц – в центре вестибюля возвышалась огромная стеклянная оранжерея от пола до потолка. Внутри в полутьме можно было разглядеть какие-то местные растения. Впрочем, Аверилу совсем не хотелось их разглядывать. Он взбежал в свой номер, поставил урну на стол, рухнул на благословенные белые простыни, запахом крахмала мгновенно воскресившие в его памяти далекую родину, и закрыл глаза.

Разбудил его вежливый стук в дверь. Пока Аверил спал, в комнате стемнело. Слуга Спиренсов принес живую лампу – в стеклянном пузыре на груде листьев сидело несколько жуков, размером с пол-ладони, распространяя в серых сумерках тускло-золотистый свет. Присмотревшись, Аверил увидел, что светятся их... хвосты... охвостья... задние концы... в общем – те части тела, что находились позади третьей пары лапок.

– Я прошу прощения, господин, но мы должны отправить послание госпоже Спиренс и сообщить о нашем прибытии, – сказал слуга, поклонившись. – Ваше присутствие на этой церемонии было бы крайне желательно, так как показало бы ваше уважение к дому Спиренс. И кроме того, осмелюсь сказать, что Танцовщица в этой гостинице прекрасно знает свое ремесло, и многие ценители специально приезжают сюда, чтобы полюбоваться на ее танец. Поэтому если вы соблаговолите спуститься вниз, дом Спиренс будет вам крайне признателен.

– А? Да, конечно, сейчас приведу себя в порядок и спущусь, – ответил Аверил.

Живая лампа мгновенно развеяла иллюзию, что он находится в привычном мире, и теперь наш путешественник чувствовал себя немного потерянным.

Когда он спустился вниз, большинство постояльцев уже расселись в креслах вокруг оранжереи. Аверилу и слуге Спиренсов оставили места в первом ряду. Едва Аверил уселся в кресло, пытаясь угадать смысл происходящего, как что-то прошестело мимо его правого плеча. Он оглянулся и с удивлением увидел женщину в темных одеждах, которая быстро, ни на кого не оглядываясь, прошла через вестибюль, открыла дверь и шагнула в оранжерею. Аверил лишь успел с удивлением заметить, что она немолода и совсем некрасива. Остановившись перед высоким деревом, росшим в центре стеклянного пузыря, и не поворачиваясь к зрителям, она вскинула руки над головой и хлопнула в ладоши. И тут же с вершины дерева, скользя по стволу, вниз головой начал спускаться летун. Он то исчезал в черноте листьев, то его худое тело вновь отчетливо проявлялось на светлой коре. Опустившись ровно настолько, чтобы его круглые желтые глаза оказались на одном уровне с глазами Танцовщицы, летун замер, прижимаясь брюхом к стволу.

В полной тишине женщина начала танец. Она переступала ногами по песку, покрывавшему толстым слоем пол оранжереи, описывала руками полукружья то над головой, то перед собой, и больше всего напоминала Аверилу марионетку из ярмарочного балагана.

Затем, когда она остановилась, летун отцепился от дерева, приземлился на песок и, встав перед женщиной, неуклюже, но старательно повторил ее танец. Женщина достала из сумки шелковый шнур с узлами вроде того, какой Аверил получил на таможне, и, опустившись на песок, повязала летуну на ногу.

Затем на крыше оранжереи раскрылся потайной люк, летун взмахнул крыльями и мгновенно потерялся в ночном небе. Женщина вышла из оранжереи и, по-прежнему ни на кого не оглядываясь, пошла прочь. Постояльцы стали расходиться.

– Простите, но... что это значило? – спросил Аверил у слуги, когда они остались вдвоем. – В чем смысл этого ритуала?

– Танцовщица рассказала Другу, где искать дом Спиренс, – невозмутимо ответил островитянин. – Теперь он передаст послание, и госпожа Эстэ будет знать, когда ей ждать нас.

Глава 5. Аверил и Ти

На следующий день они погрузились в деревянную, раскрашенную причудливыми узорами лодку и отправились в путь к поместью Спиренс. Дорога заняла еще пять дней. В первый же день Аверил с удивлением понял, что порт, где они высадились на землю, является своего рода островом на острове: стоило им отъехать на несколько кварталов от гостиницы, как перед ними раскинулось огромное мелкое заболоченное и заросшее тростником озеро, где люди, как и в гавани, жили на плотках. На то, чтобы пересечь его, ушел целый день, и Аверил с интересом наблюдал за странной чужой жизнью: женщины стирали белье или мыли расписные глиняные миски, стоя по пояс в мутной воде; кто-то брил голову, усевшись на пороге своего дома и свесив ноги в воду; многие работали на огородах, разбитых тут же на плотках, или ловили на мелководье белых, явно домашних, уток. По озеру скользили маленькие, набитые грузом или пассажирами лодчонки; мальчишки перебрасывались мячом и прыгали с плотка на плот. Все: дома, одежда, лодки, утварь – было раскрашено изумрудно-зеленым, индигово-синим, охристо-оранжевым или карминно-красным.

Когда стемнело, на плотках зажглись разноцветные фонари, и Аверил, взглянув в последний раз с кормы, унес в памяти образ темного озера, подсвеченного сотнями огней.

Спал он прямо на палубе, под тентом. Гребцы сменяли друг друга, поэтому лодка шла, не останавливаясь. И если прошлой ночью в гостинице Аверилу досаждали комары, то здесь их сдувало встречным ветром.

А в небе над лесом медленно разворачивалась величественная звездная спираль – точно такая же, какую он привык видеть с порога родного дома, и, просыпаясь от резких толчков, когда лодка сбивалась с фарватера, Аверил улыбался звездам, как единственным знакомым существам в этом чужом мире.

* * *

Утром Аверил с удивлением обнаружил себя посреди девственного леса. Над водой смыкался темный полог деревьев. Огромное поднимающееся из-за горизонта солнце окрашивало стволы и речные волны царственным пурпуром. В кронах незнакомыми голосами перекликались птицы. С реки пахло тиной и водорослями. Впрочем, назвать то, по чему они плыли, рекой было скорее данью условности. На самом деле это была просто просека в залитом водой лесу. То здесь, то там из воды показывались узловатые корни, по которым деловито сновали мелкие зверьки.

На корме дымилась жаровня, рядом с ней уже были разложены толстые кожистые листья – своеобразные тарелки, на которых здесь сервировали завтрак. Свободные от вахты гребцы забросили в воду сеть и вскоре достали ее, наполненную копошащейся живностью. Здесь ели все, что приносила река: водоросли, рыбу, водяных ящериц и червей, лягушек, рачков. Впрочем, как ни странно, эта пища, приправленная свежим фруктовым соусом, показалась Аверилу гораздо более аппетитной, чем тот рацион, на котором он сидел во время морского путешествия. Да и вообще, теперь, когда первый шок от столкновения с незнакомым миром прошел, юноша чувствовал себя превосходно. Здесь тоже жили люди, причем жили не одну сотню лет, и они, безусловно, приспособились к своему миру ничуть не хуже, чем он – к своему. Нужно только держаться их, и все будет прекрасно.

Когда после завтрака остатки еды полетели за борт, к лодке тут же пристроилась стайка крутобоких розовых дельфинов со странно вытянутыми головами. Насытившись, животные принялись играть – то подплывали к лодке и терлись о нее боками, то подныривали под днище, то весело гонялись друг за другом. Аверил смотрел на их узкие веретенообразные тела, на их плавники, по форме напоминавшие крылья самолетов, и думал о своем. Дельфины походили на аэростаты – воздушных скитальцев, над которыми не властны были ограничения по весу и скорости, но которые слишком легко превращались в беспомощную игрушку могучих воздушных течений. Молодой инженер завидовал дельфинам. Их среда обитания была достаточно плотной и предсказуемой для того, чтобы они могли сочетать в своей конструкции достоинства аэростатов и самолетов. Почему природа не подумала о том, чтобы хоть немного облегчить людям исполнение их желания? Потому что ей нечем думать? Или это они, люди, не могут подумать как следует и найти по-настоящему изящное решение стоящей перед ними задачи?..

* * *

Путешествие по лесу продолжалось еще два дня, а затем лодка вынырнула из-под зеленого полога, и река потекла по холмистой возвышенной равнине, на горизонте которой виднелись белоснежные вершины гор.

Здесь они встретили первых людей – маленький поселок у пристани, где жили гребцы и погонщики быков. Гребцы высадились на берег, погонщики прицепили к кольцу, вделанному в нос лодки, гужи упряжки, и пятеро черных мохнатых быков, упираясь во влажную почву короткими сильными ногами, потащили лодку дальше.

В последний день с утра над горами клубились серые низкие облака, постепенно заполняя собой все небо. К полудню начало накрапывать, и вечером лодка вошла в город, раздвигая пелену дождя.

Сквозь ту же пелену Аверил впервые увидел дом Спиренсов – ряд деревянных построек, поднятых над землей на столбах и вытянутых по периметру широкого двора, соединенных переходами и увенчанных высокими остроконечными крышами.

Ужинали они на веранде под непрекращающийся шум дождя. Круглая скатерть была разложена прямо на полу. Для сидения гостю предложили мягкую карминово-красную подушку. Зато блюда на столе отдаленно напоминали те, к которым он привык дома. И хотя вкус оставался острым и необычным, Аверил оценил этот жест. В саду прямо под дождем какой-то голый мужчина жонглировал зажженными факелами – была ли это часть похоронного обряда или просто развлечение для гостя, Аверил не знал и стеснялся спросить.

Хозяйка в охряно-оранжевом платье скорее напоминала светскую даму, чем убитую горем вдову. Она непринужденно вела беседу, перескакивая с расспросов о модах в Аврелии к расспросам о последних постановлениях Государственного совета. Эстэ Спиренс говорила с легким акцентом, оттого Аверил не всегда сразу понимал ее слова, но ее обаяние и любезность не нуждались в переводе. Две ее дочери – старшая в индигово-синем и младшая в изумрудно-зеленом – во время обеда хранили молчание и казались бы восковыми куклами, если бы изредка не наклоняли увенчанные тяжелыми прическами головы, не протягивали изящные руки, затянутые до самого запястья в шелковые рукава, и не брали аккуратно с подноса кусочки мяса или ломтики фруктов. Странно было смотреть на лица трех женщин – на три версии одного лица, словно отражения в трехстворчатом трюмо. Одно из них было слегка тронuto увяданием, второе еще сохранило мягкую детскую округлость, а третье было более худощавым с точеными чертами. Аверилу казалось, что он попал в старинную легенду о рыцаре, который заблудился в дремучем лесу и встретил трех волшебниц, сидящих у источника.

Когда ужин закончился и девушки удалились, он все же спросил у госпожи Спиренс, каков ритуал похорон на Островах и что потребуется от него. Она с улыбкой покачала головой.

– Вы и так уже оказали нам великую честь, согласившись привезти прах моего мужа на родину. Теперь вы должны погостить в нашем доме и принять дань нашего уважения. Все прочее я сделаю сама этой ночью. Ни о чем не беспокойтесь.

Аверил понял, о чем она говорит, и снова удивился. Странно было думать о том, что эта необычно одетая женщина нынешней ночью в одиночестве будет своими руками закапывать пепел под одним из столбов дома – как это когда-то сделала его мать с пеплом своих родителей, как это делали испокон веков женщины Аврелии.

* * *

Утром в дверь спальни Аверила постучал слуга и сообщил, что госпожа Эстэ приглашает гостя на завтрак в верхнюю гостиную. Аверил поднялся по шаткой лестнице в комнату на втором этаже, из окна которой открывался великолепный вид на город. Обстановка в комнате была аврелианская: здесь на застланном тростниковой циновкой полу (единственная дань местным традициям) стоял небольшой стол, сервированный к завтраку, два стула, горка с фарфором. Центр стола украшала массивная серебряная ваза, в которой благоухали розы. Точно такая же украшала стол во время парадных обедов в родном доме Аверила.

Когда появилась хозяйка, Аверилу стоило большого труда сдержать удивленный смешок: она умудрилась превратить местное платье-халат в некое подобие последнего писка аврелианской моды, приспособив сзади на поясицу небольшую подушку и украсив свое произведение пышным бантом. Впрочем, Эстэ сама первая рассмеялась, увидев замешательство на лице гостя.

– Я же говорила, что вам придется принять дань нашего уважения, в чем бы она ни выражалась! – сказала она с улыбкой. – А если вы научите меня пользоваться щипчиками для сахара, то оплатите добром за добро.

Обучение премудростям владения щипчиками не заняло много времени, после чего Эстэ посерьезнела и сказала:

– Я знаю, ваш мастер хочет покупать у нас бамбук. Однако мы можем предложить вам несколько сортов. Расскажите, для чего вы хотите его использовать, чтобы я могла точнее понять, что вам нужно.

Аверил смутился. Он хорошо помнил, как отнесся Господин Старший Муж к летательным аппаратам. Что, если госпожа Эстэ держится того же мнения и откажется принимать участие в подобном «богохульстве»? Однако даже если это и так, то лучше будет, если она узнает об этом еще до того, как они подпишут контракт. И Аверил решительно выложил ей все как есть. Госпожа Эстэ заинтересовалась проектом, задавала много вопросов, приказала принести бумаги, чтобы он мог сопровождать свой рассказ рисунками, и в конце даже уговорила Аверила построить несколько моделей – ей хотелось яснее представить себе конструкцию механического летуна.

– Кроме того, моим девочкам это будет полезно, – добавила она.

Раскладывая бумаги на столе, Аверил передвинул вазу, которая оказалась неожиданно легкой. Он мимолетно удивился, но не стал задавать вопросов.

После завтрака госпожа Эстэ предложила Аверилу осмотреть принадлежащие ей бамбуковые рощи.

Они отправились вверх по реке на узкой легкой лодочке с одним гребцом на корме и вскоре попали в высокие зеленые заросли длинной коленчатой травы – словно вдруг оказались ростом с жучков, плывущих в скорлупке грецкого ореха по ручью. Столь необычный цвет листьев и стеблей бамбука, по словам госпожи Эстэ, объяснялся тем, что роща была расположена в тени горы и сюда редко попадали солнечные лучи. И действительно, два крутых склона, словно две широкие ладони, надежно закрывали нежные растения от прямого солнечного света.

– Их купила для нашей семьи еще моя прабабка, – рассказывала госпожа Эстэ, – и с тех пор мы не раз вспоминали ее добрым словом. Там выше по склонам – плантации лаковых деревьев. Они приносят большой доход, так как изделия, покрытые лаком, стоят очень дорого. Однако их покупают только богатые люди и только по особым поводам: можно подарить лакированный гребень или шкатулку на свадьбу дочери или набор для игры в «короли» на день рождения покровительнице – и все долгие годы будут говорить о твоей щедрости. А бамбук дешев, поэтому нужен всем и всегда. Как бы ни был беден человек, но если у него есть дом, ему не обойтись без забора, без ширм и циновок, без водопроводных труб, без метлы, чтобы убирать двор. Если у него есть лодка, ей не обойтись без мачты. Бедняки едят из бамбуковых чашек, покупают дочерям дешевые бумажные веера и зонтики с бамбуковыми спицами. Кстати, бумагу делают из волокон, что находят под корой шелковицы. Наши шелковичные рощи находятся на другом склоне горы – там есть целая деревня, женщины в которой заняты разведением шелковичных червей и очень искусны в этом деле...

На прогулку госпожа Эстэ надела светло-зеленое платье и казалась моложе, чем была вчера за ужином. Воздух после дождя был влажным и свежим. Легкий ветер шевелил высокие тонкие стволы бамбука, заставляя их шептать, и госпожа Эстэ, сидевшая на носу лодки, раскинула руки, позволяя ветру пошелестеть и ее шелковыми рукавами. Потом прилегла на спину, закинув руки за голову, и долго молчала, глядя в небо. Аверил видел ее колено, выглядывающее между полами платья, словно белый остров в зеленом море, и его охватило чувство легкости и зыбкости. Он не был девственником, но до сих пор не избавился от тяжелого смущения в обществе девушек своего круга. Он знал, что каждая из них молча задает ему один и тот же вопрос, и знал, что не может пока дать ответ, который удовлетворил бы их. С девушками из публичных домов найти общий язык было проще: они задавали свой вопрос вслух и на него ему было что ответить.

Да, у него были деньги. Достаточно денег, чтобы сделать их счастливыми. Но сегодня он с удивлением почувствовал, что впервые сам готов задать вопрос этой странной женщине, которая так легко и шутя впускала его в свою странную жизнь. Готов спросить, согласна ли она сделать то же самое всерьез. И при этом он знал, что даже если бы захотела, она просто не сможет дать ответ, который сделал бы его счастливым.

– Простите, госпожа Эстэ, – сказал он, поспешно стряхивая наваждение. – Я совсем не успел узнать вашего супруга. Каким он был?

Женщина улыбнулась.

– Он был очень хорошим человеком. Всегда исполнял свой долг перед семьей. Не был болтлив. И не из тех, кто только и умеет, что повторять чужие слова и поддакивать невпопад. У него обо всем было свое мнение, но он редко им делился. Мы прожили вместе недолго: только до рождения дочери. Я одиночка по натуре и не люблю делить подушку ни с кем дольше, чем это необходимо. Я отправила его в столицу присматривать за нашими лавками. Я знала, что могу довериться ему полностью. И я очень дорожила нашими с ним разговорами, когда он приезжал проводить меня и дочь.

– Вы не знаете, почему он...

– Думаю, что знаю. Он говорил о том, что ваши боевые машины его пугают.

– Пугают?

– О... не сами машины, а ваша страсть к войне, ваша искушенность, ваш талант на этом поприще. Он ехал к вам, чтобы убедиться, что рассказы путешественников – это не просто пустые байки. И когда убедился, исполнил свой долг. Так, как он его понимал. Мне его решения всегда казались слишком мрачными, но таков уж был его характер.

– Простите, я не понимаю... Он исполнил свой... долг?

Эстэ снова улыбнулась.

– Это в самом деле сложно объяснить. Пожалуй, сейчас еще не время. Если не возражаете, мы продолжим этот разговор позже. А сейчас давайте вернемся. Боюсь, снова собирается дождь.

* * *

Дома их ждал обильный обед. Впрочем, Эстэ, сославшись на дела, извинилась и сказала, что будет обедать в своей комнате, так что компанию Аверилу составили две ее дочери. К сожалению, он не знал, прилично ли будет ему обратиться к ним, они же то ли от смущения, то ли от высокомерия не проронили ни слова. Впрочем, Аверил был рад помолчать. За сегодняшнее утро он и так успел услышать и увидеть слишком многое. Перед глазами все еще стояла стройная фигура Эстэ в струящейся зеленой одежде. Она казалась такой легкой, почти невесомой. Легкой, как стебель бамбука. Он же чувствовал себя огромным, тяжелым увальнем. Это было нечестно, подло. Ротар, Севридж, Зед, Сид – все они маленького роста, все они будут летать. Гай летает, Эспер летал. И госпожа Эстэ могла бы летать, если бы захотела. И даже эти две молчаливые куклы. И только ему небо заказано – потому что Великий Мастер в свое время не пожалел на его семейство мокрой глины... Нет, легкость – это не для него. Но как полететь с помощью тяжести?.. Тяжелый планер устойчивей, его не собьет с пути случайный порыв ветра... Аверилу вспомнилась школа. Недалеко от школьного здания на холме была старая каменная изгородь, и ученики, бывало, развлекались, скатывая камни вниз по склону. Вот тут Аверил всегда выходил победителем – он был сильнее сверстников, и ему ничего не стоило выбрать самый тяжелый камень и как следует разогнать его. Если бы можно было найти такого силача, который разогнал бы тяжелый планер... такой мотор, чтобы...

Он очнулся оттого, что девушки молча встали и покинули столовую. Смущенный Аверил забормотал им вслед извинения, но они даже не повернули головы...

Возвратившись к себе в комнату, он пытался нащупать решение, пытался нарисовать такой планер, который поднял бы его, но ничего не вышло. Перед глазами по-прежнему колебались стволы бамбука, летел по ветру зеленый шелк. В конце концов, так и не продвинувшись в своих размышлениях ни на шаг, Аверил уснул.

* * *

Проснулся он уже на закате. За окном снова шумел дождь. Едва Аверил успел умыться и переодеться, как явился слуга, чтобы проводить его к ужину в комнату на втором этаже. Эстэ снова была в своем «аврелианском» платье. Стол на этот раз сервировали местной посудой – деревянные чашки и тарелки были украшены тончайшими золотыми узорами и перламутром и покрыты лаком – тем самым лаком, о котором Эстэ рассказывала утром. Очевидно, теперь она была уверена, что Аверил по достоинству оценит оказанное ему уважение. И он действительно был искренне восхищен красотой столовых приборов.

За чаем Эсте перешла к делам.

– Я обдумала все, что вы рассказали о вашей Мастерской, – сказала она. – И хочу сделать вам предложение. Я понимаю, что вы ограничены в средствах, и понимаю, что ваши машины не сразу найдут себе покупателей, но мой покойный муж считал, что за ними – будущее, и я с ним согласна. Поэтому я готова поставлять вам бамбук в течение трех лет бесплатно, вы будете оплачивать только расходы по его перевозке. Но за это я хочу долю в ваших будущих доходах. Пятнадцать процентов устроили бы меня как нельзя лучше.

Аверил нахмурился.

– Боюсь, что это невозможно, – произнес он, не скрывая сожаления. – С нынешнего года мы подчинены Военному министерству. Оно не потерпит того, чтобы хоть какая-то часть наших доходов уходила за границу. Простите, но это все, что я могу сказать.

Эстэ подняла бровь и кивнула:

– Понимаю. Ну что ж, значит, мы найдем другой путь для того, чтобы прийти к взаимовыгодному договору. Позвольте мне еще немного поразмыслить над этим. А пока довольно печалиться! Давайте просто поболтаем. Расскажите мне о ваших женщинах.

Аверил поперхнулся.

– Простите?

– О женщинах Аврелии. Какие они? Как одеваются? Чем занимаются? Что любят? Чего не любят? Ну, словом... сильно ли они отличаются от нас?

– О да! – невольно вырвалось у Аверила.

Эстэ рассмеялась.

– Это интригует. А если поподробнее?

– Они... они очень следят за своей красотой. Любят наряды, выезды, драгоценности. О, конечно, женщины на Островах тоже красивы, очень красивы... – поспешно заговорил он. – И очень нарядны...

Эстэ склонила голову и взглянула лукаво, явно наслаждаясь его смущением.

– Старший муж писал мне, что у вас женщины не ведут дела.

– Да, они занимаются в основном домом и семьей. Воспитывают детей, устраивают обеды, званые вечера, занимаются благотворительностью.

– Значит, у них все же есть деньги?

– Да, конечно. Каждой женщине муж дает деньги. Это называется «на булавки».

– А что будет, если она купит слишком много булавок и растратит все свои деньги? Он будет ее ругать?

– Да... скорее всего, он будет недоволен.

– И, может быть, побьет ее?

– Ну конечно же, нет! Хотя... среди людей низких сословий... да... такое случается...
– Как интересно! Меня еще ни разу не ругал мужчина. Какими словами вы обычно ругаете жен?

– Я... право не знаю... я не женат... и никогда не был...

– Но все же вы можете это вообразить. Представьте, что я – ваша жена, и я растратила все ваши деньги. Как вы меня проучите?

Аверил вскочил.

– Простите... но я... я не знаю... мне лучше уйти...

И вдруг Эстэ оказалась перед ним на полу, обнимая его колени:

– О, мой дорогой! Прости меня! Не уходи! Не бросай меня! На что я буду жить, если ты уйдешь? Мне придется просить милостыню на улице! А наши бедные дочери? Где я найду им мужей?

Аверил внезапно осознал, что ее платье надето прямо на голое тело. У него запыхались уши, в горле пересохло. Когда же Эстэ прижалась щекой к его животу, юноше показалось, что сердце сейчас выпрыгнет у него из груди.

Но Эстэ уже поднялась на ноги и как ни в чем не бывало принялась расстегивать его сюртук.

– Глупый, зачем же так смущаться? – проворковала она. – Если мы собираемся вести дела, нам не помешает узнать друг друга поближе.

* * *

Сказать, что Аверил был ошарашен, означало выразиться слишком мягко. Он был раздавлен, потерял все ориентиры и казался самому себе летуном, захваченным могучим ураганом. Впервые в жизни его домогалась женщина. Он спал с вдовой, только вчера закопавшей прах под столбом своего дома. И – что самое странное и страшное – никогда в жизни еще не испытывал такого острого и всепоглощающего наслаждения.

Госпожа Эстэ быстро поняла, что гораздо более опытна в любовных делах, чем юный чужестранец, и взяла все в свои руки. Она рассказала и показала Аверилу, что нравится ей, и сумела выпытать, что нравится ему. Она была совершенно бесстыдна и неутомима в наслаждении, но при этом странно бесстрашна. Никогда и ни с кем еще Аверил не был так откровенен. И, несмотря на то, что он предпринял все меры защиты, ему все же казалось, что каким-то образом Эстэ унесла с собой часть его души.

Сама же Эстэ, ничуть не смущаясь, позвонила в колокольчик, вызвала слугу и велела принести завтрак на двоих. Потом повернулась к любовнику и сказала:

– Да, кстати, о сделке. Я придумала, как нам поступить. Ты женишься на моей младшей дочери Тиэ.

Глава 6. Аверил и Я

Это что сейчас было? Какая-то странная шутка на чужом языке?

– Мы так не договаривались, – поспешно заявил Аверил.

Он понимал, что его знаний языка Островов недостаточно для того, чтобы вести переговоры с должной учтивостью, а вопрос слишком важен, чтобы допустить разночтения в связи с трудностями перевода.

Эстэ печально усмехнулась.

– Вообще-то мы именно так и договаривались. Когда у нас, на Островах, оказывают такую услугу, которую вы оказали нам: привозят прах члена семьи, чтобы он мог упокоиться в родном доме, то семья, которой оказали услугу, просто обязана отплатить тем же – обменять мертвого

родственника на живого, похороны – на брак. Но я не буду ловить тебя на слове, которого ты не давал. Не буду говорить о том, какой урон нашей чести нанесет то, что мы откажемся от соблюдения традиции. Лучше подумай вот о чем: нас с вами разделяет океан. Мы сможем доверять друг другу в делах, только если будем связаны. Ты сказал, что общая выгода не может нас связать, и я это приняла. Тогда нас должны связать узы брака. Один из людей в вашей Мастерской должен стать членом нашей семьи.

– Но моим родителям не понравится, что я женился не на той, кого выбрали мне они. Мне не нужна жена с Островов. И кроме того, я не испытываю любви к вашей дочери.

Эстэ добродушно рассмеялась и сказала:

– Ты бы понравился моей матери. Ты не из тех, кто влюбляется в девушку только потому, что она будет владеть самыми обширными плантациями лаковых деревьев на Островах, правда? Но ты зря беспокоишься. У нас более двух сотен семей торговцев, и все находятся в родстве друг с другом. При таком количестве необходимых браков мы просто не смогли бы вести дела, если бы ждали сердечной склонности в каждом союзе. Брак может быть простой формальностью, связывающей только семьи, а не мужа и жену. У меня самой четыре мужа, которых я видела только на свадьбе. Пока ничего не отвечай. Подумай. А теперь давай завтракать...

* * *

После завтрака госпожа Эстэ сразу ушла, сославшись на дела, и в последующую декаду Аверил видел ее по несколько минут в день. Только однажды она заглянула в залу после обеда, когда Тиэ и Янтэ уже ушли к себе, и бросила с порога:

– Через несколько дней одна из дочерей близкого нам дома станет Танцовщицей. Это большой праздник. Если ты примешь в нем участие и будешь сидеть рядом с Тиэ на одной подушке, все поймут, что мы не нарушили вежливости. Это все, о чем я прошу тебя, если, конечно, ты сам не захочешь большего. Договорились?

Аверил согласился. Такое предложение показалось ему разумным компромиссом.

В благодарность за его согласие Эстэ тем же вечером прислала ему договор на поставки бамбука для отца Остена. Не бесплатно, как предлагала она раньше, но, тем не менее, по весьма скромной цене. Аверил начал понимать, как делаются дела на Островах. Каждое движение в сторону торгового партнера вознаграждается, каждая попытка сместить равновесие в свою сторону приводит к аналогичной попытке второй стороны. Что ж, это было честно и вполне его устраивало.

Он также прекрасно понимал, почему Эстэ старается, чтобы он больше времени проводил с ее дочерьми. Конечно, они тут, на Островах, такие просвещенные, что «не ждут сердечной склонности в каждом союзе», но прекрасно знают, что если молодые люди развлекаются вместе, сердечной склонности не приходится долго ждать – она приходит сама, а это значительно упрощает дело. И здесь Аверил не мог скрыть злорадной усмешки. Ну что за дети! Может быть, женщины Островов пикантно беспардонны и обладают непревзойденным искусством в постели, зато мужчины Аврелии хорошо воспитаны и обладают непревзойденным искусством не попадаться в женские ловушки. Этому учат любого юного аристократа его отец и мать, едва он сменит детское платьице на мужскую одежду. Ибо невест всегда много, а состоятельных женихов всегда мало, и многие семьи, рассчитывая на партию дочери как на единственный источник дохода, не избегают самой грязной игры. Поэтому знатный аврелианин всегда настороже и никогда не позволяет себе увлечься.

Так что Аверил прекрасно проводил время с дочерьми Эстэ, тайком посмеиваясь над надеждами их матери и совсем тайком в полусне мечтая о повторении той безумной ночи. Девушки водили его на пруды, где откармливались толстые ленивые рыбы, приплывавшие по

звону колокольчика и выставявшие над водой свои мягкие губы, возили его в деревню шелковых мастериц, которые сматывали с коконов гусениц тончайшую нить, показывали труд сборщиков лака, неглубоко надрезавших кору деревьев и осторожно снимавших со стволов едва застывшие натеки ядовитой смолы. По просьбе Аверила, ему раскрыли тайну легкого серебра, из которого была сделана ваза, привлекавшая его внимание. Этот металл научились выплавлять горные племена, они же украшали изделия из него драгоценными камнями и продавали на острова. Большой труд и большое искусство, ведь «легкое серебро» оказалось трудно выплавлять и обрабатывать.

Аверил в свою очередь делал для дочерей Эстэ планеры из бамбука и бумаги и запускал с крыши дома. Удивительно, но за все эти дни девушки не подстроили ему ни одной ловушки, и он даже не догадался, что они думают о предстоящем формальном браке. Они были настолько искренне любезны и так неуловимо сдержаны, что будь они мужчинами, отец и мать Аверила несомненно ставили бы их ему в пример. Тиэ – дочь Младшего Мужа госпожи Эстэ, наследница лаковых плантаций и его «суженая», была, кажется, девушкой добродушной и дружелюбной. Она весело болтала всякую чушь, когда у Аверила было беззаботное настроение, но тактично замолкала, если он на чем-то сосредоточивался. Янтэ, старшая, больше дичилась – впрочем, возможно, она просто грустила по своему отцу или не хотела отвлекать внимание гостя от сестры. Зато когда Аверил спросил, трудно ли научиться кататься на велосипеде, девушки, посоветовавшись, выбрали учительницей именно Янтэ. И она с неженской силой удерживала шаткую машину, пока Аверил садился в седло, а затем бежала несколько шагов рядом и резким толчком посылала велосипед вперед, помогая набрать начальную скорость.

* * *

Наконец настал день праздника. Утром все снова погрузились в большую лодку, и она направилась вверх по течению реки, к горам.

Около полудня путешественники прибыли на очередную пересадочную станцию. Выгрузились и подкрепились, а быки тем временем перетащили лодку через узкий канал в другую реку. После этого снова плыли весь день, огибая по широкой дуге скалистые красноватые отроги гор, и вечером скользнули в широкий пролив, разделяющий два острова. В темноте Аверил смог различить только огни на противоположном берегу, зато утром, когда проснулся, не поверил своим глазам. На горизонте в небо уходила гигантская гора. Хоть день был ясным, ее вершина терялась среди клубящихся облаков. Основание горы было покрыто густыми зарослями кустарника со странной красноватой листвой. Когда Аверил спросил у стоящей рядом Янтэ, что это за кусты, она опустила глаза, смущенно улыбнулась и сказала:

– Вы скоро увидите. Это вековые деревья, ростом в сорок, а то и в пятьдесят человек.

– Наверное, в древние времена дикие люди именно так представляли себе гору, на которой живут их боги, – восхищенно предположил Аверил.

Янтэ подняла голову и, не сводя взгляда с приближающейся горы, сказала:

– Здесь живут наши Друзья.

* * *

Чем ближе они подходили к берегу, тем яснее Аверил понимал свою ошибку. Конечно же, это были никакие не кусты! Просто его слабый ум не смог вместить представшего перед ним зрелища и по неистребимой человеческой привычке тут же приспособил Гору «под свой размер», так чтобы она не казалась такой неописуемо огромной. Теперь он едва сдерживал крик: это было похоже на то чувство, когда «Малыш» в первый раз оторвался от земли, – чувство встречи с невообразимым, с чудом, бесцеремонно вломившимся в привычную жизнь.

Когда лодка, пройдя мимо рассыпанных у побережья скал – «камешков», скатившихся в незапамятные времена со склонов Горы, – причалила у острова и на пирс высыпали местные жители, готовые помочь путешественникам, Аверил дивился про себя: они могли жить рядом с Горой и не смотреть на нее неотрывно, и не кричать от присутствия в своей жизни чего-то настолько явно нечеловеческого, настолько превышающего воображение.

Но как бы там ни было, он сам вовсе не кричал, не падал ниц, а, напротив, галантно помогал женщинам спуститься на пирс, словно встреча с чудом стояла в его ежедневном расписании где-то между завтраком и утренним моционом.

Им снова подвели быков – на этот раз верховых, наряженных в широкие крепкие седла и сбрую. Аверил неуклюже взгромоздился на быка; женщины и слуги проделали это с гораздо большей ловкостью. Один из слуг взял быка Аверила в повод, и кавалькада отправилась в путь по тропе, выходящей среди густого подлеска и постепенно уходящей вверх.

* * *

Теперь, когда они оказались на теле Горы, она больше не подавляла своими размерами, но стала их миром. Только по слабому ощущению, что его заваливает в седле назад, Аверил мог определить, что они продолжают подъем.

Вскоре подлесок кончился, и путешественники вступили под полог тех самых «кустиков», которые Аверил увидел с моря. Точнее, алые кроны взметнулись над ними, пронзили синее небо, и путники оказались словно внутри гигантского органа, в окружении стройных темно-медных, сладко пахнущих смолой стволов.

В лесу царил полумгла, влажный морской воздух осаждал на коже мельчайшие капельки воды. По земле змеились тонкие белесые корни, сплетались под копытами быков в таинственный лесной лабиринт.

Ветви начинались на высоте в двадцать-тридцать метров над землей, и там же начиналась жизнь. Внезапно Аверил заметил резкий взмах одной из ветвей, узкое темное тело пронеслось над головами, раздался торжествующий крик – летун выхватил из лиственного убежища ящерицу или какое-то мелкое животное и, ликуя, унесся в вышину. Не останавливая быков, женщины и слуги сделали тот же знак, который Аверил видел когда-то на трибунах Королевского стадиона – прижали ладони тыльной стороной ко лбу, приветствуя свое божество.

Вечером караван достиг огромной поляны, на которой были раскинuty шатры. Здесь действительно собралось около двухсот семей – в основном матери с дочерьми и слугами. Единственным мужчиной, кроме Аверила, допущенным в эту компанию, был смущенный отец героини торжества. Он принимал поздравления от женщин, стоя рядом с супругой и дочерью, и явно раздувался от гордости. Аверила познакомили со всеми, каждая матрона сочла необходимым сказать ему несколько приятных слов о его стране, после чего женщины быстро потеряли к нему интерес и за ужином обсуждали исключительно свои дела в таком темпе и на таком специфическом жаргоне, что Аверил практически ничего не понимал. Поэтому он воспользовался случаем и спросил у Тиэ, с которой послушно «делил подушку», что будет представлять собой завтрашний обряд.

– Аннэ долгие годы училась языку танца Друзей, – объяснила девушка. – Затем она в течение года выращивала своего Друга и обучала танцу его. Теперь она должна представить своего воспитанника стае. Если стая примет его, Аннэ станет Танцовщицей своей семьи.

– То есть она станет жрицей? – уточнил Аверил и, увидев удивленный взгляд девушки, пояснил: – Той, кто просит богов о благосклонности?

Тиэ помотала головой.

– Она не будет просить Друзей о благосклонности. Она просто будет говорить им, куда лететь и кому передать весть. Так семьи обмениваются весточками. Это гораздо быстрее и надежнее, чем посылать гонца.

Теперь настал черед Аверила удивляться:

– То есть ты хочешь сказать, что Друзья работают у вас... почтальонами?

Ему пришлось произнести последнее слово на языке Аврелии, и он вдруг понял, что не знает, как оно звучит на языке Западных Островов.

– Они члены наших семей и помогают нам вести дела. А кто такие почтальоны?

– Это... это гонцы, которые разносят письма у нас. Так, значит, в каждой семье есть Танцовщица или Танцор, которые могут разговаривать с... Друзьями?

– Только Танцовщицы. Друзья никогда не принимают мужчин.

– Почему?

– Не знаю. Просто так всегда было. Все мужчины, которые пытались постигнуть искусство танца, были отвергнуты Друзьями.

– А... понятно. Спасибо.

Аверил замолчал, пытаясь осмыслить услышанное. Так вот в чем секрет власти женщин с Западных Островов! Только они могут входить в контакт с летунами и благодаря этому полагают единственной надежной системой обмена сведениями на островах. Немудрено, что они преуспели в торговле.

Нет, право слово, можно вознести хвалу Великому Мастеру за то, что у них, в Аврелии, «живые Друзья не водятся».

* * *

Путешественники провели ночь в шатрах, а наутро женщины, оставив слуг готовить праздничный обед, отправились пешком в глубь леса. Аверилу Эстэ велела следовать за ними и сохранять молчание. Добравшись до новой поляны, в центре которой росло старое раскидистое дерево, женщины уселись полукругом прямо на траве. Две старухи в темных одеждах, расположившись на концах полукруга, достали какие-то предметы, которые Аверил поначалу принял за длинные палки и в которых, присмотревшись, узнал очищенные от плоти длинные челюсти летунов. Сухой щелкающий звук разнесся над поляной. Старухи выбивали сложный ритм, и скоро из ветвей дерева донеслась ответная дробь. Только теперь Аверил разглядел прячущихся в алой листве черных Друзей. Их было не меньше нескольких дюжин.

На поляну вышла девушка в темном платье – та самая Аннэ, которую все поздравляли вчера. Она странно горбилась при ходьбе, и Аверил увидел, что у нее на спине в складках одежды прячется маленький летун. Вот девушка остановилась, спустила летуна на землю – тот раскинул крылья и внезапно присел перед собратями, совсем как дама в старинном менюэте. Затем он поклонился, вернее, наклонился над землей и, подводя крыльями, начал свой танец. Над поляной висела тишина, нарушаемая только щелканьем челюстей. Девушка застыла неподвижно, следя за своим питомцем, а летун кружился, смешно подсакивая и взмахивая крыльями, словно пытался развлечь собравшихся зрителей.

И тут летун допустил ошибку.

Аверил так и не понял, когда это произошло, только вдруг Тиэ коротко, почти беззвучно, ахнула и непроизвольно схватила его за руку. С ветки сорвался один из взрослых летунов и, проносясь на бреющем полете над новичком, ударил его когтями в спину. И тут же все бестии поднялись в воздух и набросились на сбитого на землю танцора, словно куры на рассыпанное зерно. Девушка кинулась на защиту своего воспитанника, и ее мгновенно облепили черные тела. Она упала на колени, потом на спину.

Аверил вскочил на ноги, но Тиэ, схватив за одежду, удержала его на месте. Впрочем, он и сам не знал, рискнул бы вступить в черный водоворот, если бы не было рук Тиэ, изо всех сил натягивающих ткань, и безмятежной молчаливой толпы, не сдвинувшейся ни на йоту.

В любом случае, когда он вырвался и подбежал к месту схватки, нелепо размахивая руками, словно в самом деле разгонял кур на родном дворе, все было уже кончено. От неудачливого новичка осталась лишь кучка переломанных костей. Девушка была мертва, в ее распоротом животе тускло поблескивал край печени, на руках не доставало пальцев, а в одной из глазниц – глаза.

Увидев бегущего Аверила, летуны снялись с места и с шумом разлетелись. Только один, особенно наглый, остался сидеть у головы девушки, примериваясь ко второму глазу. Аверил в бессильной злобе топнул на него ногой. Летун задрал голову вверх, ответил юноше раскатистой трелью, потом быстро облизнул окровавленную морду тонким языком и тяжело поднялся с земли.

Только тут Аверил почувствовал, что за его спиной кто-то стоит. Обернувшись, он увидел Янтэ. Молча она взяла его за руку и повела с поляны.

* * *

Аверил был готов к тому, что его накажут за святотатство. Однако ничего подобного не произошло. Казалось, о его поступке тут же все забыли. Но самым удивительным было не это. Безучастные свидетели кровавой расправы как ни в чем не бывало приветствовали родителей Аннэ и поздравляли их. На вертелах жарилось мясо, слуги разливали вино, а отец и мать несостоявшейся Танцовщицы счастливо улыбались и благодарили собравшихся за то, что те пришли разделить их праздник. Аверил подумал было, что сошел с ума, но тут широкий шелковый рукав на мгновение соскользнул с предплечья отца Аннэ, и юноша увидел на его руке свежие кровоточащие царапины: изображая на лице радость, тот в кровь раздирал себе запястье пальцами. Тут Аверила затошнило, и он ушел в палатку. Через некоторое время к нему зашла Тиэ. Она принесла тушеные овощи и рыбу в глиняной миске, и Аверил с удивлением понял, что страшно проголодался и рад ее присутствию. Поделиться своими чувствами для него сейчас было не менее важно, чем утолить голод.

– Что вы за люди? – возмущенно спрашивал он Тиэ, поспешно прожевав кусок рыбы. – Девушку убивают на ваших глазах, а вы радуетесь. И ее родители радуются! Она что, так им надоела?

Тиэ покачала головой.

– Она была достойной дочерью. Она сама решила отдать свое тело Другам, когда провалила испытание. Все благодарят ее родителей за то, как они воспитали ее.

– Дикие люди! – фыркнул Аверил, перемешивая овощи с рыбной подливкой. – Прости, но вы хуже зверей. Зверю такое никогда в голову не придет!

– Следующей испытание пройдет моя сестра, – невпопад ответила Тиэ.

– Все смотрели, и никто не пришел на помощь! – продолжал негодовать Аверил. – Видать, вас плохо воспитали, раз вы не стремитесь накормить своими телами этих тварей... – он остановился. – Прости, что ты сказала?

– Через год придет черед Я, – так же спокойно повторила Тиэ. – Она станет Танцовщицей в нашей семье.

* * *

Всю долгую обратную дорогу Аверил обдумывал слова своей невесты. Он смотрел на нежное лицо Янтэ, безмятежно покачивающейся на спине быка, и чувствовал, как его душу

заполняет черный гнев. Значит, через год она, возможно, будет лежать окровавленная на траве под деревьями, а проклятые летуны будут ковыряться в ее внутренностях, выискивая куски посочнее? И ее мать, и сестра знают об этом и готовы с этим смириться? Готовы рискнуть ею ради укрепления своей власти? Ради успеха в торговле? Ради репутации среди других семей? Если такова власть женщин, он, пожалуй, станет женоненавистником.

В первый же вечер, когда они прибыли в поместье Спиренсов, Аверил попросил аудиенции у госпожи Эстэ и с порога заявил ей:

– Я согласен на брак. Но с одним условием. Я женюсь на вашей старшей дочери. И это не будет простой формальностью. Я хочу увезти ее с собой, в Аврелию. Если вы не согласны, я разрываю контракт.

Часть вторая. Зеленый палец

Глава 7. На борту «Ревущего»

Четыре могучих гребных винта глубоко вспахивали морскую воду, оставляя за собой пенный след. Аверил стоял на корме, не отрывая глаз от быстро растворяющейся дорожки, и мысленно ощупывал себя: все ли в порядке? Уцелел ли он? Прежний ли он? Слишком многое переменилось за время его путешествия на Острова. Однако, что скрывать, были среди происшедших перемен и приятные.

Перво-наперво Аверил быстро убедился, что зятю госпожи Спиренс, пусть даже нелюбимому и нежеланному, живется на свете гораздо легче, чем младшему сыну аврелианского аристократа и инженеру-практиканту из Мастерской отца Остена. Особенно хорошо складываются его дела, когда он путешествует со своей женой – соответственно, старшей дочерью госпожи Спиренс. Так, например, он не сомневался, что именно благодаря родству им с Янтэ предложили каюту на «Ревущем» – боевом крейсере Аврелии, как раз совершавшем заход в открытый порт Западных Островов во время кругосветного учебного плавания.

Контраст с предыдущим морским путешествием был разительным. Прежде всего, Аверил и Янтэ получили настоящую каюту – небольшое, но отдельное помещение. Ели они в офицерской столовой. Пища была простой, но безупречно доброкачественной. К легкой качке оба скоро привыкли – она не шла ни в какое сравнение с судорожными прыжками по волнам незабываемой «Колдуньи». Крейсер двигался по морю, как нагретый на огне утюг по ткани, – «вперед, спокойно и прямо». Его корпус был слишком велик и слишком массивен, а ходовая машина слишком мощна для того, чтобы отдаваться на волю волн.

* * *

Аверил был влюблен. Влюблен по уши, безоглядно. Он даже не представлял себе, что в подлунном мире возможно такое совершенство, и каждый день благодарил Великого Мастера за столь наглядную демонстрацию. «Ревущий» был идеально приспособлен к решению возложенных на него задач. Настолько идеально, что казался плодом дерзкого вдохновения, а не строгих скрупулезных расчетов. Корабельщики не стремились вписаться в узкие рамки, отведенные природой, они смело задавали свои правила игры. Поскольку корабль был боевым, его палубу и борта покрывала стальная броня. Безупречно выверенная форма и точно рассчитанный вес гарантировали ему остойчивость и непотопляемость. Орудийные башни обеспечивали орудиям широкий сектор обстрела. Но самым главным чудом была ходовая установка. Паровая турбина, установленная на «Ревущем», без особого труда выдавала двадцать три тысячи лошадиных сил, что заставляло Аверила скрежетать зубами: моторы самых мощных самолетов едва дотягивали до восьмидесяти.

На самом деле никаких разумных причин для зависти у юноши не было. Мастерские кораблестроителей имели многовековую историю, как Мастерские оружейников и металлургов. Неудивительно, что, сработавшись, вместе они смогли создать что-то стоящее. А летунам всего без году неделя – они толком не оперились. Но тем ослепительнее и беспощаднее была зависть. Чтобы узнать побольше о предмете своей страсти, Аверил напросился на лекции, которые читал на борту корабля курсантам Мастерской навигации один из Мастеров-кораблестроителей. Словно для того, чтобы еще сильнее растравить душевные раны молодого инженера, Мастер оказался немногим старше его, но в каждом сказанном слове сквозила такая твердая уверенность в плодах своей работы, что Аверил чувствовал себя как в детстве, когда

кто-нибудь из мальчишек хвастался только что подаренным пони или новым ружьем. Впрочем, Мастер-корабельщик (его звали Вигис – третий инженер из Мастерской Мертон) и не подозревал о сложных чувствах, которые одолевали младшего коллегу. Напротив, уловив интерес Аверила к военным кораблям, он охотно делился своими знаниями, с удовольствием отвечал на любые вопросы.

Как и подозревал Аверил, за совершенством конструкции «Ревущего» стояли долгие годы проб и ошибок. Первые паровые корабли резко обгоняли по скорости и маневренности парусники, но новое сильное сердце – ходовая машина – сразу же вступило в противоречие со старой деревянной плотью. Деревянный корпус был слишком хлипкий, он гнулся и трещал под непомерным весом машин, а дальность плавания под парами, зависящая как от наличия топлива, так и от бесперебойной работы машины, оставляла желать лучшего. Для защиты артиллерийских погребов и силовых установок на кораблях стали настилать броневую палубу со скосами, а на бортах устанавливали массивные железные плиты. Для того чтобы поразить подобное панцирное чудовище, необходимо было новое оружие, и оно почти мгновенно появилось. Мастерская Родола из Земли Ящеров стала оснащать свои корабли нарезными орудиями, заряжавшимися с казенной части. Эти пушки имели гораздо большую точность и дальность стрельбы, чем старые дульнозарядные гладкоствольные. Кроме того, новые орудия стреляли разрывными снарядами. После того как восемь таких кораблей расстреляли в Бухте Зеленой Реки вдвое превосходящую по численности эскадру (Вигис сказал «расколошматили» и резко рубанул рукой воздух), стало ясно, что игра отныне ведется по-крупному.

На воду начали спускать целые броненосные батареи и низкобортные корабли с цельным железным корпусом, в которых орудийные башни вращались паровыми машинами. Их прозвали «наблюдателями», так как их главной задачей была береговая оборона. Впервые увидев на рейде у берега такую диковину, экипаж вражеского корабля принял ее то ли за бакен, то ли за плот и проигнорировал в качестве противника. Каково же было удивление команды, когда вполне мирный бакен неожиданно всадил им в борт полный заряд с максимально близкого расстояния. С тех пор старомодные корабли старались обходить стороной все странные конструкции, которые встречали на своем пути.

Одно время броненосные корабли оснащались мощным тараном, из-за чего морские битвы, как в древние времена, напоминали бои баранов на весенней лужайке. Порой проектировщики допускали смешные ошибки (хотя тем, кому приходилось иметь дело с последствиями этих ошибок, было не до смеха). Так, например, на одном из кораблей мачта, с которой в башни передавались данные стрельбы, находилась между двумя дымовыми трубами. Мало того, что дым из передней трубы серьезно затруднял обзор, он был еще и горячим, и в штормовую погоду, когда топки работали вовсю, трубчатая конструкция мачты так нагревалась, что по трапу, находящемуся внутри нее и ведущему из трюма на марс, было просто невозможно перемещаться.

Однако и панцирники, и батареи, и «наблюдатели» старались держаться ближе к берегу, не отваживаясь выбираться на океанские просторы. И не случайно. Их мощные орудийные башни не добавляли им устойчивости – при сильном волнении корабли переворачивались, частенько унося с собой на дно весь экипаж. Отец Мертон – основатель Мастерской, в которой трудился Вигис, почувствовал, что следующим шагом в великой гонке будет завоевание бронированными кораблями открытого моря, и приложил все усилия к тому, чтобы этот шаг сделала именно Аврелия.

Новый боевой корабль должен иметь мощную броню для защиты от вражеского огня, достаточно большой корпус, чтобы поставить машины, способные придать этой громаде необходимую скорость, и мощные орудия, превосходящие огневую мощь аналогичных кораблей противника – или, по крайней мере, ей не уступающие. Эта техническая головоломка надолго увлекла лучшие инженерные умы мира, породила множество самых разнообразных проектов

и в течение нескольких лет казалась неразрешимой. Главной заслугой Мертона было то, что он правильно определил точку приложения сил – прежде всего необходимо было создать паровую машину нового класса.

«Я сплю и вижу быстроходные суда, жду и не дожусь летучих эскадр и мечтаю о шестнадцати и семнадцати узлах хода, – говорил он своим инженерам. – Поэтому насчет судовой машины я буду требователен».

Поначалу казалось, что мечты так и останутся мечтами. Из более чем двухсот проектов паровых машин, созданных за следующие двадцать лет, ни один не удалось довести до этапа промышленного производства. Удовлетворить требования Мертона предстояло человеку, который вовсе об этом не помышлял.

Прис, сын торговца из Элсика, начал работать и учиться в Элсикской Мастерской по изготовлению корабельных орудий, когда ему было всего тринадцать лет. Вскоре отец Мастерской понял, что у мальчика «зеленый палец». (Вигис лукаво подмигнул, и Аверил улыбнулся – он знал эту байку, кочующую из Мастерской в Мастерскую. Люди верили, что в Мастерских живут маленькие зеленые человечки – искусные ремесленники, и что если их задобрить, работа будет идти как по маслу. Говорили также, что иногда эти человечки оборачиваются красивыми юношами и соблазняют девушек. Тогда у ребенка, родившегося от этого союза, будет «зеленый палец» – техническое чутье, дар понимать машины, способность чинить и строить их «на глазок», «по наитию».)

Однажды отец Мастерской заметил, что мальчик сделал игрушечный бумажный двигатель: когда он дул на колеса игрушки, они вращались. Мастер побранил ученика за ребячество, а тот в сердцах сказал, что построит машину, скорость вращения у которой будет «в десять раз больше, чем у любой другой».

Через несколько лет подросший мальчик в самом деле сконструировал для Мастерской движитель торпеды нового вида. Особенность этого движителя состояла в том, что сгорающее топливо создавало струю газа высокого давления. Струя ударялась в крыльчатку, заставляя ее вращаться. Крыльчатка в свою очередь приводила во вращение гребной винт торпеды.

Также Прис построил небольшую лодку из листовой меди, которая приводилась в движение трехлопастным винтом, находящимся под корпусом. Винт располагался внутри большого кольца со спиральными прорезями. Газ, вырывавшийся струей, проходил по этим прорезям, и за счет усилия, создаваемого при отклонении потока, кольцо начинало вращаться. Вместе с ним вращался и винт, толкающий лодку вперед. По легенде, эта лодка предназначалась в подарок дочери Отца Мастерской, в которую Прис был тайно влюблен. Так ли это было на самом деле или нет, никто не знает, но известно, что вскоре после этого обладатель «зеленого пальца» покинул Мастерскую в Элсике, сделав на прощание в своем дневнике такую запись: «Опыты, проводимые в течение пяти последних лет и частично имевшие целью удостовериться в реальности газовой турбины, убедили меня в том, что с теми металлами, которые есть в нашем распоряжении... было бы ошибкой использовать для приведения лопаток во вращение раскаленную струю газов – в чистом ли виде или в смеси с водой или паром».

Прис отправился в знаменитую Мастерскую Крика, работавшую с электричеством, где отец Крик, ознакомившись с его разработками, поручил ему спроектировать многоступенчатую реактивную турбину, способную вращать вал электрогенератора. Для Приса это был невероятно продуктивный период. Ему приходилось не только экспериментировать с высокоскоростными валами и другими деталями турбины, но и думать о возможных путях использования энергии его машины. Обладая скоростью вращения восемнадцать тысяч оборотов в минуту, она не могла быть применена в обычных целях.

По заказу одного из своих приятелей по Мастерской Прис построил гоночное судно с приводом от паровой турбины. На испытаниях оно продемонстрировало рекордную скорость –

35 узлов. Именно благодаря этой победе отец Мертон узнал о Присе и заплатил отцу Крику немалую сумму за право использования удивительных изобретений.

В турбине Приса пар расширялся постепенно по мере прохождения через пятнадцать ступеней, каждая из которых представляла собой пару венцов лопаток: один – неподвижный (с направляющими лопатками, закрепленными на корпусе турбины), другой – подвижный (с рабочими лопатками на диске, насаженном на вращающийся вал). Лопатки неподвижных и подвижных венцов были ориентированы в противоположных направлениях, то есть так, что если бы оба венца были подвижными, то пар заставлял бы их вращаться в разные стороны. Пар, направляемый на неподвижные лопатки, расширялся в междуплощадочных каналах, скорость его увеличивалась, и он отклонялся так, что попадал на подвижные лопатки и заставлял их вращаться.

Другим изобретением стал новый тип подшипника, способного предотвращать «биение вала». Прису было хорошо известно, что каждый вал имеет свою характерную критическую скорость вращения, при которой даже небольшой разбаланс приводит к изгибанию вала и последующему разрушению машины. Выяснилось, что критическая скорость вращения связана с собственной частотой поперечных вибраций вала – на этой частоте вал начинает резонировать и разрушаться. Чтобы избежать резонанса, вал следовало устанавливать в подшипниках, которые допускали бы его небольшие боковые смещения. Вначале Прис попытался использовать обычный подшипник, закрепив его на пружинах, но обнаружил, что такая конструкция только усиливает вибрацию. В конце концов он придумал подшипник, состоящий из набора колец двух размеров: одни плотно прилегали к внутреннему вкладышу подшипника, но не касались корпуса, другие – прилегали к корпусу, не касаясь вкладыша. Вся система колец в продольном направлении сжималась пружиной. Такая конструкция допускала небольшие боковые смещения вала и в то же время подавляла вибрации за счет трения между шайбами двух типов.

– Прис отказался войти в нашу Мастерскую и основал свою, – рассказал Вигис. – Но так ничего и не добился. Он мечтал разбогатеть, но все его изобретения были слишком смелыми, чтобы приносить доход. В придачу ему нужен был человек с талантом поскромнее – человек вроде отца Мертона, который всегда точно знал, когда нужно остановиться. Прис так и не простил Мертона за то, что тот выжал из его изобретения больше, чем это удалось самому Прису. А отец Мертон так и не простил Прису, что тот не пришел под его руку. Они враждовали до конца жизни. Возможно, Мертон приложил руку к разорению Приса. Прис прямо обвинял его в этом. Во всяком случае, после того как Мастерская Приса была закрыта, Мертон выкупил некоторые из его перспективных изобретений. Впрочем, так же поступил и отец Крик, благодаря чему турбины Приса сейчас стоят на десяти электростанциях и почти на двух сотнях военных кораблей.

Аверил про себя порадовался, что Мастерская отца Остена еще совсем молода и практически не имеет конкурентов, а потому игры, о которых спокойно, как о чем-то само собой разумеющемся, говорил мастер-корабельщик, в ней пока немислимы.

По просьбе Аверила, Вигис спустился с ним в машинное отделение и позволил молодому инженеру осмотреть турбину и даже сделать наброски. А когда Аверил полушутя пожалел, что нельзя остановить турбину и забраться внутрь, Вигис неожиданно предложил:

– Вот придем в Чакон, обязательно загляните к нам, – он назвал Рестидж, Город Сорока Островов, по-морскому – Чаконом, что означало Гавань на Западе. – У нас построен опытовый бассейн на Колучем острове, там мы испытываем модели. Мастера зовут Криал, он нам читал «Непотопляемость». Я напишу для вас записку. Может статься, еще поработаем вместе...

Скрип открывшейся двери и стук каблучков отвлекли Аверила от размышлений. На палубу поднялась Янтэ. Она была в аврелианском платье в узкую серую и белую продольную полоску – одним из тех, что он спешно купил ей в порту. Тогда ему не терпелось переодеть девушку в «свое», для того чтобы убедить себя, что она отныне принадлежит ему, а следо-

вательно, ей ничего не грозит. На голове Янтэ была маленькая дорожная шляпка, в руках – серый зонтик с узким белым кружевом по краю, который она использовала как трость, чтобы удержаться на непривычных каблуках. Выглядела островитянка в этом элегантном дорожном платье до крайности нелепо и неуклюже. Она не привыкла соблазнительно изгибать спину, чтобы подчеркнуть изгиб турнюра, а потому казалась не прекрасной и притягательной женщиной, а скорее кошкой с привязанной к хвосту банкой. Опираясь на зонтик, Янтэ добралась до кормы и встала рядом с Аверилом. Некоторое время он ждал, что она что-нибудь скажет, но не дождался и тяжело вздохнул. В первую же ночь после их бракосочетания Янтэ предложила ему себя с бесцеремонностью своей матери, но без ее откровенного желания. Казалось, она старательно исполняла свой долг и испытала огромное облегчение, когда Аверил заявил, что с супружескими отношениями им придется повременить. Однако с тех самых пор, пожалуй, она ни разу не обратилась к нему, а на его вопросы отвечала коротко и сухо. Была напугана? Смущена? Негодовала? Аверил не знал. Пожалуй, любой узел, любая машина на «Ревущем» была ему ближе и понятнее, чем эта девушка, стоящая рядом. Девушка, с которой он был связан на всю жизнь самыми прочными узами, какие только бывают на свете.

Глава 8. В Городе Сорока Островов

Однако по прибытию в Рестидж Аверил решил отложить посещение опытового бассейна Мастерской корабелов. Ему казалось одинаково неразумным как брать с собой Янтэ, так и оставлять ее одну, пока она еще не говорила на языке Аврелии.

Поэтому прямо из порта они заехали на почтамт, откуда Аверил отправил письмо на Острова для госпожи Спиренс о том, что их плавание удачно завершилось, и две телеграммы: отцу Остену с просьбой об отпуске в связи с женитьбой и матери – извещая ее о том, что скоро приедет с молодой женой. В письмо отцу Остену был вложен и добытый на островах контракт. Аверил и словом не обмолвился о том, что сумма, проставленная в бумагах, была значительно больше той, что предполагалась сначала. Зачем Остену знать об упущенных возможностях? Что касается самого Аверила, он не сомневался, что совершил выгодную сделку. Обменять деньги на человеческую жизнь – было бы глупо поступить иначе.

Пока он писал письма, Янтэ сидела в кресле у большого полукруглого окна и внимательно наблюдала за улицей. Аверил засмотрелся на нее, пытаясь угадать, что она видит и что по этому поводу думает.

Вот пронеслась за окном элегантная коляска, запряженная рысками... А следом за ней – обшарпанный театральный фургон, развозящий с репетиций балетных статистов и оперных хористок. Вот, чинно беседуя, идут по тротуару два профессора гимназии в синих вицмундирах. Вот спешит, не поднимая глаз, очень хорошенькая и очень бедно одетая девушка – наверное, торопится к какому-нибудь художнику, которому служит натурщицей по три гроша за сеанс. Вот на углу моряк заспорил с двумя ластовыми рабочими – теми, которые разгружают баржи в порту; все трое изрядно под хмельком. Вот гурьбой идут лабазники с рынка, толкают перед собой двухколесные ручные тележки с кладью, торопится мелкий чиновничек с кокардой на фуражке, навстречу им – компания гимназистов, гуляющий «майстровой человек» и фабричный рабочий с завода. Один из гимназистов – видно, на спор – подобрался сзади да и сбил с рабочего картуз. Тот вскинулся было, но обидчика уже ищи-свищи – гимназисты перебежали дорогу, лавируя между телегами, словно яхточки на взморье, и нырнули в подворотню.

Все эти сценки для Аверила были привычны, они будили воспоминания, незаметно возвращали его из путешествия на родину. Но каким представлялись они Янтэ? Понимала ли она, что происходит перед ее глазами? Смешило это ее? Пугало? Удивляло? Или вежливая равнодушная маска, застывшая на ее лице, была вовсе не маской, а настоящим лицом?

Из почтамта молодожены отправились в банк, где Аверил снял со счета деньги на предстоящие расходы, а потом – в гостиницу, где познакомил Янтэ с чудесами централизованного водопровода и высокой аврелианской кухни. Следующий день они посвятили прогулкам по магазинам. Признаться, здесь молодой инженер чувствовал себя не очень уверенно. И приказчики в магазинах, обладавшие все как один навыками опытных сутенеров, сразу это просекали и высылали к молодоженам самых хороших продавщиц, которые голосами сирен принимались убеждать Аверила, что его семейная жизнь ни за что не сладится без шлафора с травами по зеленому атласу на беличьем меху, без красных сафьяновых домашних туфель, без покрывала штофного абрикосового с цветами, без вышитого балдахина, подбитого обьярью полосатой желтой, белой и синей, или без последнего писка моды – серебряного номеронабирателя для телефона, способного защитить нежные женские пальчики от тугого телефонного диска. Тут неожиданно для всех в игру вступила Янтэ. Она молча недрогнувшей рукой откладывала в сторону те куски материи, в качестве которых сомневалась, выбирала те, которые считала достойными облекать ее стан, и на все уговоры магазинных фей только качала головой и разводила руками в знак того, что они могут не тратить на нее цветы своего красноречия. Приказчику пришлось смириться, зато он наверняка задрал цены – здесь его некому было остановить и проверить, так как Янтэ была неграмотна, а Аверил невежествен.

Так или иначе, они накупили ворох разноцветной обьяри, байки, тафты и камчи, штофов, атласов, брокателей и фальбаллы, да сверх того кружев, лент, тесьмы и стекляруса и увенчали весь этот хаос стопкой модных журналов (так Аверил одним махом решил проблему подарков матери и ее подругам).

Пожалуй, первый раз в жизни молодой инженер по-настоящему наслаждался своим богатством. В его доме говорить о деньгах считалось неприличным именно потому, что их было всегда вдоволь. С тех пор как двести лет назад прапрапра- и так далее дедушка Аверила изобрел первый барометр, его семья ни в чем не нуждалась. А поскольку денег всегда было много, Аверил их никогда не видел. Все его желания исполнялись – или не исполнялись, но не потому, что были «слишком дорогими» или «достаточно дешевыми», а по другим весьма таинственным причинам, ведомым только его родителям. В школу и дальше в Мастерскую деньги пришли за Аверилом. Он получал все необходимое, по привычке не думая, кто и как оплачивает его потребности. Впрочем, одновременно с равнодушием к деньгам ему внушалась скромность, поэтому, глядя на однокашников, щеголявших кто с дорогими часами, кто с дорогим перстнем, Аверил испытывал недоуменное презрение – именно такой реакции и добивались от него родители. Его собственные часы были простыми и без всяких украшений, но никогда не отставали и не убегали вперед, а перстни он не носил, потому что они могли помешать при черчении или изготовлении моделей.

И вот наконец он тратил деньги, причем на то, чтобы порадовать другого человека, и с каждой новой покупкой Аверил чувствовал, что это ему все больше нравится. Однажды, путешествуя от одного магазина к другому, им довелось пройти по базарной площади, мимо квартала, занятого беднейшими доходными домами. На первых этажах домов помещались дешевые трактиры, рюмочные, перекусочные, распивочные. Все окна были открыты настежь – трактиры, судя по двигавшимся фигурам в окнах, были набиты битком. Из окон разливались песенники, звенели кларнеты и скрипки, и гремел турецкий барабан. Слышны были женские взвизги. Внезапно дверь одного из трактиров растворилась, и на улицу прямо перед Аверилом и Янтэ выкатился рыжий мужчина – по-видимому, отставной солдат. Он тащил за косу полупьяную женщину и бил ее кулаком по голове. Посетители трактира, вышедшие следом, поощряли его хохотом. Полицейский на углу пребывал в олимпийском спокойствии. «Подерутся и перестанут – не впервой!» – говорил он всем своим видом.

– Караул! Нашу девушку бьют! – прокричала другая оборванная женщина и юркнула в одну из дверей подвального этажа.

Через минуту оттуда выбежали шесть или семь таких же женщин и общими усилиями отбили товарку. Несчастливая с воем металась между своими спасительницами, плакала и изрекала самые циничные ругательства.

Аверил, поспешно взяв Янтэ за локоть и уводя ее прочь от страшного зрелища, невольно подумал, что будь он бедным подмастерьем, ему пришлось бы привести молодую жену в один из таких доходных домов, где подобные страшные сцены были, судя по всему, повседневностью. И горячо поблагодарил Великого Мастера за то, что тот судил ему иное.

Молодой инженер был бы совсем счастлив, если бы мог получить хоть какое-то подтверждение, что доставляет Янтэ радость. Но пока что ему приходилось основывать свою уверенность на старых тезисах: «все женщины любят покупки» и «все женщины любят комфорт». С лица его жены так и не сходила неизменная полуулыбка, а что пряталось за ней, он не мог разгадать. Оставалось надеяться на мать. Она, несомненно, женщина, причем женщина мудрая и по-светски проницательная, ей нетрудно будет поладить с пугливой дикаркой и уговорить ее хотя бы в семейном кругу выглядывать из-под маски.

Глава 9. На морском берегу

Чтобы завершить кутеж на высокой ноте, Аверил нанял автомобиль и прикатил домой с шиком. Ничего, что машина по дороге трижды ломалась и им с шофером приходилось катить ее «на руках» до ближайшей деревни с кузницей. Ничего, что кузнецы в растерянности разводили руками, а шофер бормотал: «Не... не возьмусь... еще засудят, если что», – и Аверилу оставалось только раздеваться до пояса и нырять под машину, на ходу соображая, как она устроена и где может сломаться. И, наконец, ничего, что машина однажды так подскочила на крутой горке, что у пассажиров клацнули зубы, и несколько секунд они буквально летели. Сущие мелочи, ведь расширившиеся глаза сторожа, когда он выбежал, чтобы открыть ворота, разом все искупили. Аверил много лет мечтал удивить старика до самых печенок, и, кажется, это ему удалось.

Линдали – поместье родителей Аверила – находилось на морском берегу, и всю дорогу по левую руку от путешественников тянулись серые шхеры и песчаные дюны, а по правую – холмистые поля. Сейчас на них как раз созревали овощи: морковь, свекла и горох, – но земли от этого не становились живописнее. Аверил с досадой думал о роскошных джунглях Западных Островов, о вековых деревьях и горе, уходящей в облака – сравнение выходило явно не в пользу местного взморья.

С кустов собачьей розы, заменявших в Линдали изгородь, уже осыпались цветы. Острый взгляд Аверила сразу же выцепил в густой листве тугие оранжевые шарики ягод, рот наполнился слюной – юноша припомнил терпкий вяжущий вкус на языке, громкие голоса служанок, веселые догонялки в зеленых лабиринтах живой изгороди. Но что было Янтэ до этих кустов? Вряд ли она обратила на них хотя бы мимолетное внимание.

– Ну вот и дома, – сказал он, поприветствовав сторожа и повернувшись к жене. – Думаю, мы все заслужили по чашке чая.

Янтэ улыбнулась, и он впервые заметил, что при этом она смешно морщит нижнюю губу – и, как ни странно, у него стало теплее на сердце.

Машина скользнула в ворота и чинно поплыла по ровной подъездной аллее через парк. Здесь снова были холмы, только на этот раз покрытые жесткой иссиня-черной травой; кое-где на их вершинах стояли низкие кривые деревья – по два, по три, переплетающиеся кронами, сцепившиеся корнями, словно для того, чтобы вместе противостоять морским штормам. Напротив белая ажурная беседка на самом берегу словно парила в объятьях ветра, скользила по нему и играла с ним, как яхта с волной. Только дом пока был не виден – он прятался за темной куртиной из высоких деревьев.

Вот машина нырнула в живую арку, сплетенную из гибких ветвей, перевитых диким виноградом, и Аверил увидел знакомые стены, сложенные из светло-желтого известняка, мрачную лестницу с прихотливыми изгибами перил, по которым он столько раз благополучно скатывался, несмотря на все страхи и запреты женщины в темном платье – той, которая сбегала сейчас по ступеням навстречу путешественникам.

– Ну вот, – произнесла госпожа Алез Кадис из Линдали, раскрывая им объятия. – Наконец-то и у меня есть доченька.

Шофер распахнул дверцу, и к величайшему облегчению Аверила две женщины обнялись, как будто встретились после долгой разлуки.

* * *

Они пили чай в гостиной, отделанной голубым атласом, создававшим ощущение прохлады даже в самый жаркий полдень. Чай сервировали на небольшом столике, столешница которого была инкрустирована мозаикой с художественными трещинами, появившимися здесь с тех самых пор, как Кадис, старший брат Аверила, во время ссоры с родителями шарахнул по столу что было сил бронзовым пресс-папье. Госпожа Алез поместилась в низком кривоногом кресле с высокой отлогой спинкой. Молодоженам достался столь же низкий кривоногий и удобный диван. Обстановка была самая будничная. О том, что к приему гостей готовились, можно было судить только по большому числу закусок на столе да еще по тому, что каждый раз сменить чашку или унести опустевшее блюдо выходила новая горничная или новый лакей. Аверил живо представлял себе, как матушка вела долгие дебаты с поварихой – что больше понравится загадочной островитянке: фруктовые тарталетки или террин из печени, лепешки с яблочно-луковым джемом или булочки со взбитыми сливками, а в конце, махнув рукой, приказывала готовить и первое, и второе, и третье, и четвертое, да еще обязательно крем-брюле и лимонный керд. И в каком восторге она была, придумав уловку, позволявшую ей дать возможность всем слугам в доме посмотреть на молодую госпожу Аверил так, чтобы та ничего не заметила и не смутилась.

День разгулялся, и было жарко почти по-летнему. От чашек и серебряного чайника на потолке плясали алые солнечные зайчики. За окном упрямо гудел шмель, раздраженно тычась в стекло.

Дверь в библиотеку была приоткрыта, и Аверил видел в полутьме приставленную к стеллажам лестницу-стремянку, на верхней площадке которой лежала стопка тяжелых книг in folio. Значит, отец сейчас живет в Линдали. Аверил знал, что отец с матерью провели без малого двадцать лет в безрадостном и пустом браке, и после того как их младший сын покинул дом, с огромной радостью расстались. Отец уехал на ферму на окраине поместья, матушка осталась в главном доме. Развод освободил их от необходимости изображать супружескую любовь, которую оба никогда не испытывали друг к другу, но позволил зародиться и вырасти искренней и спокойной дружбе. Они стали гораздо ближе друг к другу, чем в те времена, когда делили спальню.

– Отец здесь? – спросил Аверил.

– Да, он будет к ужину, – отозвалась мать. – Увлекся сбором водорослей у побережья. Все прикидывает, не подойдут ли они в качестве удобрений. Поэтому он уже два месяца живет здесь.

– За ужином ты познакомишься с моим отцом, – сказал Аверил Янтэ на языке Островов. – Не бойся, он такой же добрый, как и мать, и так же не любит церемоний.

– Мне это будет очень приятно, – ответила Янтэ.

Аверил перевел. Госпожа Алез сочла, что невестка уже достаточно освоилась, и обратилась непосредственно к ней:

– Милая, как вы думаете, ваша мать уже получила известие о вашем благополучном прибытии в Аврелию?

Аверил перевел вопрос для Янтэ, но ответил на него сам:

– Нет, мама. На Острова до сих пор не проложен телеграф...

«И бьюсь об заклад, госпожа Спиренс и другие торговки будут сопротивляться этому до последнего», – добавил он мысленно.

– Поэтому наше письмо поплывет с пакетботом, и госпожа Спиренс получит его не раньше, чем через месяц.

– И еще месяц к нам будет идти ее ответ? Ах, как досадно! Но не беспокойтесь, милая, мы пошлем к прибытию пакетбота курьера, так что вам не придется ждать письма от матери ни одного лишнего часа. Право, жаль, что к вам до сих пор не проложили телеграфную линию. Я стала по-настоящему спокойна, только когда поняла, что могу связаться с моими мальчиками в любой момент, где бы они ни находились. Но раз у нас почти два месяца, я постараюсь, чтобы вы не скучали. И начнем мы прямо сейчас, – добавила она, заметив, что Янтэ давно отставила чашку. – Что бы вы хотели сейчас сделать: отдохнуть в своей комнате, немного посмотреть дом или спуститься в сад? Аверил, будь добр...

– Мама спрашивает, хочешь ли ты отдохнуть или посмотреть дом с садом, – перевел Аверил и добавил с улыбкой: – Я бы советовал выбрать сад. Он невелик, но моя мать истово его любит, а все наши соседи видели его уже больше тысячи раз, так что ты очень ее порадуешь.

– Конечно, я с удовольствием посмотрю на сад, – вежливо ответила Янтэ.

Аверила кольнула досада. Он предпочел бы, чтобы она воскликнула сердито: «Ничего не хочу! Оставьте меня в покое!» – тогда, по крайней мере, у него не было бы оснований сомневаться в ее искренности.

Янтэ встала. Поднялась с кресла и госпожа Алез, махнула рукой Аверилу:

– Спасибо, милый, теперь можешь покурить в свое удовольствие. Я думаю, дальше мы справимся сами. Никогда не помнила названий цветов и не собираюсь утруждать этой наукой твою жену. Цветы надо нюхать, а не рассуждать о них с умным видом. Пойдемте, моя милая...

* * *

Сад закрывала от морских ветров высокая стена. Он был действительно совсем невелик, и большую его часть занимали плодовые деревья – яблоки и груши. Цветы росли не на клумбах, а прямо в траве – в тени деревьев, на солнцепеке на пригорке, по берегам протекавшего через сад ручья. В верхнем течении ручей перегораживала небольшая запруда, и вода стекала вниз крошечным водопадом. В образовавшемся над запрудой озерце с удивительно прозрачной чистой водой цвели желтые кувшинки, а круглый островок в середине пруда покрывали синие ирисы. Янтэ поняла замысел госпожи Алез – та разводила сады не по книгам, а пристально наблюдая за дикими растениями и подбирая для каждого такое место, где ему было хорошо. Девушке это пришлось по душе. И когда госпожа Алез знаком предложила ей выйти на берег моря, Янтэ только покачала головой. Она уже насмотрелась на море за время их путешествия. И если в первый раз, когда она увидела вокруг себя бесконечное полотнище воды, ей захотелось кричать от страха и восторга, то вскоре картина наскучила, превратившись в одинаковые волны, которые одна за другой накатывались на корабль. Нет, сейчас она предпочитала журчание ручья, его крошечные брызги и водоворотики, подхваченные им соринки и желтые листья. И они с госпожой Алез присели рядом на скамью, наслаждаясь солнечным теплом и покоем, словно сами превратились в два сонных цветка.

Аверил украдкой наблюдал за ними из-за штор. Его радовало, что надежды сбылись и женщины, по-видимому, поладили. Одновременно в его груди шевелилось что-то, подозри-

тельно похожее на ревность. Конечно, у его матери дар ладить с людьми, он всегда это знал, но почему она не передала этот дар ему?

Когда солнце спряталось за краем подпорной стены, госпожа Алез сказала:

– Ну вот, моя милая, нам, пожалуй, пора идти. Скоро здесь станет совсем холодно. Слышите, как бьются волны? Это начинается прилив.

Янтэ поняла из всей фразы только три слова: «милая», «идти» и «холодно», но кивнула с улыбкой и поднялась на ноги. Внезапно она заметила, что ручей журчит громче и брызги от водопада теперь долетают до ее туфель – вода в озере поднялась, словно в чашке, наполненной до краев, и стала мутной, в ней плавали какие-то черно-зеленые обрывки водяных растений, темный ил. Это заинтересовало девушку, но она помнила, как плохо владеет языком Аврелии, и не решилась выставить себя на посмешище перед свекровью.

Когда женщины покинули сад, в него спустился Аверил, сорвал с дерева спелую грушу и спрятал в карман.

* * *

К ужину вернулся господин Кадис. Это был крепкий пятидесятилетний мужчина с красным обветренным лицом и большими руками. Владельцы Линдали с незапамятных времен работали предсказателями погоды в местной Мастерской земледельцев, а потому господин Кадис большую часть времени проводил на свежем воздухе, без усталости меряя шагами холмы и морское побережье.

Разговор за столом вертелся вокруг осенних полевых работ, видов на урожай и прогнозов на зиму. Аверилу это быстро наскучило, и он бросил переводить слова отца Янтэ, решив, что и ей это вряд ли интересно. И резко спросил, меняя тему разговора:

– А где Кади?

Так звали в семье Кадиса-младшего.

– Завтра будет здесь, – ответила госпожа Алез. – Мы телеграфировали ему, как только получили весточку от тебя. Но он попросил два дня для того, чтобы уладить дела перед отъездом.

– Бьюсь об заклад, он потратил эти два дня на то, чтобы поверить, что ты его в кои-то веки обскакал! – коротко хохотнул Кадис-старший. – Кстати, ты, надеюсь, не забыл?

– Нет-нет, – поспешно ответил Аверил.

– Хватит болтать, милый, лучше спой нам, – мягко сказала госпожа Алез. – Я уже похвасталась Янтэ, какой у тебя прекрасный голос, – и она незаметно подмигнула сыну.

Господин Кадис не заставил долго себя упрашивать. Слуги открыли двери между столовой и гостиной. Госпожа Алез села за рояль. Они начали со старинной застольной песни. У господина Кадиса в самом деле был красивый глубокий бас, госпожа Алез вторила ему приятным меццо-сопрано.

*Кто в тумане путь проложит?
Кто взберется на утес?
Кто расстаться с другом сможет,
Не пролив горючих слез?*

*Я в тумане правил стругом,
Я взбирался на утес.
Но не смог расстаться с другом,
Не пролив горючих слез!*

Затем по просьбе госпожи Алез господин Кадис спел одну из рыбацких песен:

*Волны бушуют, ревет ураган,
Тучи все ниже, сгущается мрак.
«Парня смыло за борт, капитан!»
«Вот как?»*

*«Бросьте же лить ему, капитан!»
Волны бушуют, ревет ураган.
«Если не бросите – дело табак!»
«Вот как?»*

*«Больше не видно его, капитан!»
Волны бушуют, ревет ураган,
Тучи все ниже, сгущается мрак.
«Вот как?»*

Потом, уже по просьбе господина Кадиса, госпожа Алез исполнила два трогательных романса. Оба – о девушках, которые ждали своего суженого: одна – с войны, вторая – с ярмарки. И завершили они этот импровизированный концерт веселой песней, бывшей чем-то вроде неофициального гимна этих мест.

*Разбужены солнцем весенним,
Дорогою в Линдали Ли
Три девушки шли в воскресенье,
И громко смеялись все три.*

*Чеканили шаг, как солдаты,
И вальс принимались плясать.
То пели про грусть и утраты,
А после смеялись опять.*

*Шагали, обнявши друг дружку,
Дорогою в Линдали Ли,
Кричали: «Ты слышишь кукушку?»
И вдруг замолчали все три.*

*Стоят и не вымолвят слова,
К земле опускают глаза.
Но что же случилось такого?
Кто может нам это сказать?*

Госпожа Алез изобразила на клавишах оркестровое туше и в притворном ужасе воскликнула: «Ах!»

*Стоят на пути три студента,
И стали алее зари,
Пуницовой, чем в косах их ленты,
Смешиливых болтушки все три.*

*Студенты толкают друг дружку:
«Ты только на них посмотри!»
И хором: «Ты слышишь кукушку?» –
Смеясь, закричали все три.*

Пока родители музицировали, Аверил разрезал грушу на мелкие кусочки и подсел на диван к Янтэ.

– Это свадебный обычай в нашей стране, – сказал он, смущаясь, как все три смешливые болтушки сразу, радуясь, что говорит на чужом языке, и отлично понимая, что родителям нет нужды ни слышать его, ни знать язык Островов, они и так прекрасно знают, что он сейчас говорит. – Это очень старый и очень уважаемый у нас обычай. Ты должна съесть это из моих рук в знак того, что доверяешь мне. Ты согласна?

– Да, – тихо ответила Янтэ.

И Аверил осторожно, как можно нежнее, кусочек за кусочком скормил ей грушу, любуясь тем, как ее алые губы прикасаются к сладкой плоти фруктов, наслаждаясь мимолетными случайными прикосновениями к уголку ее рта или к щеке и изо всех сил борясь с желанием слизнуть каплю сока с ее подбородка.

Глава 10. На морском берегу (продолжение)

Янтэ проснулась резко, как от толчка. Полежала с минуту, прислушиваясь к далекому шороху моря, потом соскользнула с кровати, подошла к окну, раздернула тяжелые портьеры и поняла, что толчком был солнечный восход. Косые лучи легли на лужайку под окном, обещая еще один солнечный и теплый день. Наверное, отец Аверила будет рад. Вчера он говорил что-то о том, как хотелось бы ему еще несколько хороших дней для того, чтобы успеть убрать урожай. Янтэ с удивлением осознала, что понимала язык Аврелии лучше, чем обычно. Может быть, дело в том, что родители Аверила говорят гораздо чище и спокойнее, чем все, кого она встречала раньше? А может, оттого что она все-таки учится и не так уж безнадежна?

Янтэ подошла к двери, приоткрыла ее и прислушалась. Дом еще спал. Она же спать не могла – нервы были слишком раздражены новыми впечатлениями. В таких случаях дома она всегда отправлялась на прогулку, чтобы «размять мысли» и восстановить их прежний спокойный ток. Почему бы ей не сделать этого и сейчас? Если она будет осторожна, о ее вылазке никто не узнает.

Очевидно, по приказу Аверила или госпожи Алез прислуга выложила в кресло подходящее «утреннее платье». Янтэ быстро и, как она надеялась, правильно оделась и привычно вылезла в окно. Здесь ее комната находилась на первом этаже, поэтому покинуть ее столь экстравагантным способом не составило труда, даже в длинных и неудобных юбках.

Оказавшись на земле, Янтэ обогнула дом и вошла в знакомый уже сад. Постояла у солнечных часов, потом приблизилась к озерцу и с любопытством заглянула туда. Вода снова была чистой и прозрачной. Янтэ присела на корточки, опустила в воду руку и полюбовалась кругами и мелкой рябью на поверхности.

Что дальше? Она зашагала вдоль подпорной стены и обнаружила в густых зарослях собачьей розы не замеченную вчера голубятню. Голуби радостно заворковали, когда она подошла к ним – очевидно, рассчитывая на внеплановую кормежку. Но она только провела рукой по деревянной решетке и позволила им долбить ее пальцы своими клювами. Потом двинулась вдоль ручья, миновала подпорную стену и оказалась на берегу моря.

Над горизонтом уже встало большое темно-красное солнце. Небо было покрыто рябью перистых облаков, море тоже рябило, невысокие волны, причмокивая, лизали песок.

Песок здесь был светлый, почти белый, и тонкий, как пудра. То здесь, то там из него торчали темные, обкатанные волнами валуны. Далеко от воды тянулась темная дорожка плавника, ила и гниющих водорослей, показывавшая высоту прилива. Янтэ опустилась на колени, выудила листочек водорослей, рассмотрела его. Вроде похож на те, что она вчера видела в озерце. Значит, оно каким-то образом сообщается с морем? Может, в прилив ветер гонит волну вверх по ручью? Но как же тогда водопад?

У самого берега на отмели паслось стадо незнакомых животных – четвероногих тяжеловесов со смешными сморщенными и вытянутыми носами. Они погружали носы в воду и приглушенно щелкали челюстями, словно выцеживали водоросли и мелких рачков. Увидев девушку, один из них – вероятно, дозорный – подал знак, встав на задние ноги и изо всех сил хлопнув передними по воде. Немедленно все стадо, подняв кучу брызг, в панике снялось с отмели и поплыло на глубину, смешно загребая короткими ногами.

Полюбовавшись на морских чудовищ, Янтэ направилась к темневшей вдали лодочной пристани. Берег постепенно забирал вверх, и скоро вдоль пляжа потянулся обрыв высотой в два человеческих роста. До пристани девушка так и не дошла. Путь ей преградило нечто вроде короткого и широкого канала. Канал заканчивался гротом, свод которого был выложен из неровных валунов. Грот перекрывала решетка, на которой висела тяжелая цепь с замком, за решеткой была видна двустворчатая дверь, сколоченная из серых досок. По всей видимости, здесь хранили лодки.

Возвращаться тем же путем не хотелось, и Янтэ стала взбираться на глинистый обрыв. Несколько раз она падала, перемазала платье и чулки, но это только придавало ей азарта. Наконец она выбралась наверх и оказалась совсем рядом с той мраморной белой беседкой, которую видела вчера, въезжая в Линдали.

Янтэ взбежала по трем ступенькам, рухнула на скамью и раскинула руки, мысленно паря над морем, над берегом, над холмами. Она больше не чувствовала ни тревоги, ни смущения, только блаженный покой, какой дарит физическая усталость. Она долго полулежала на скамейке, прищулив глаза и рассеянно рассматривая крошечные радуги на ресницах. Потом встала, собираясь идти домой, и только теперь заметила, что в пол беседки вделана чугунная круглая плита с кольцом.

Она подергала кольцо, но плита была слишком тяжелой и не поддавалась. Однако это только раззадорило любопытство Янтэ. Она отыскала толстую палку и, действуя ею, как рычагом, смогла приподнять край плиты. Под ней обнаружился круглый люк, Янтэ удалось втиснуть в щель колено и, навалившись всем телом, откинуть крышку. Петли, на которых та была закреплена, изрядно проржавели, и она открылась не до конца, но достаточно, чтобы Янтэ увидела уходящую вниз винтовую лестницу.

Нарочно не давая себе времени подумать о том, благоразумно ли это, девушка подперла крышку своим рычагом и скользнула в отверстие.

* * *

Лестница уводила в темноту. Янтэ осторожно шагнула с последней ступеньки на каменный пол и остановилась, осматриваясь. Сначала она ничего не видела, потом заметила вдали слабые и узкие лучи света, словно пробивавшиеся сквозь щели. Потом увидела, как под одним из лучей мерцает гладь темной воды. Ага! Значит, она попала в тот самый грот, который видела на пляже. Скорее всего, здесь просто хранятся лодки, больше он ни на что не годен. Ну что ж, тайна раскрыта. Пора возвращаться.

И в этот момент она услышала плеск воды в канале. Не плеск морских волн – другой: тихий и какой-то глубокий. Словно там переворачивалось с боку на бок что-то гораздо боль-

шее, чем лодка. Что-то чудовищно большое. И живое – Янтэ разобрала сквозь плеск глухое пыхтение.

Пожалуй, слишком большое, даже для любопытства Янтэ. И когда вода, утробно хлюпнув, выплеснулась на каменный пол и подмочила ей башмачки, девушка опрометью бросилась к винтовой лестнице.

Она успела подняться на несколько ступенек, но тут сверху раздался пронзительный скрежет петель, под ноги Янтэ полетели обломки сука, и крышка люка с резким стуком захлопнулась.

Янтэ мгновенно оказалась наверху, уперлась руками в крышку, потом, поднявшись еще на ступеньку, прижалась к ней головой и плечами, но сколько ни силилась, не смогла приоткрыть ее даже на палец. В отчаянии она стукнула в крышку кулаком, набила синяк, потом села на ступеньки и заплакала.

Вот так прогулялась! Теперь она заперта в темноте, на шаткой лестнице. В заброшенном гроте вместе... вместе с неведомо кем! И главное – никто не знает, где она. Нет, нет, нельзя впадать в панику! Когда все соберутся к завтраку, они поймут, что Янтэ пропала, и пойдут ее искать. Хозяева хорошо знают поместье и рано или поздно догадаются, куда она могла деться. Конечно, не сразу. Говоря по чести, она вела себя несколько необычно для благовоспитанной девушки. Вряд ли Аверил или господин Кадис, или госпожа Алез смогут предположить, что она сама влезла в эту дурацкую ловушку. Значит, сначала они обыщут дом и парк. Потом... что они будут делать потом? Вспомнят о гроте? Или решат, что она сбежала из поместья, и будут искать по округе? Только бы Аверил не поверил, что она способна сбежать! Только бы он догадался, где она! Пожалуйста, Аверил! Ты сказал вчера, что выполняешь обряд, чтобы я тебе доверяла! Ты сказал тогда, на корабле, что не ляжешь со мной в постель прежде, чем мы станем по-настоящему близки. Поверь и ты мне! Поверь, что я никуда не убежала, догадайся, что я сижу тут в темноте, как последняя дура, и жду тебя!

Следующие несколько минут показались Янтэ часами. Наконец, не в силах больше сидеть в бездействии, она вскочила. Нет, так нельзя! Она должна как-то подать о себе весть. Она вспомнила, как рассматривала дверь на пляже. На решетке был замок, а прутья на ней посажены слишком часто, чтобы человек мог между ними пробраться, пусть даже он разденется догола. Но на деревянных дверях не было замка! Значит, она сможет их открыть и, по крайней мере, осветит свою тюрьму! Или выбросить какую-нибудь тряпку, чтобы ее заметили с обрыва и догадались, где нужно искать. Точно, так она и сделает.

Только... для этого придется пройти мимо этого страшного, ворочающегося в темноте... Ну что ж, значит, придется! Янтэ стиснула зубы и принялась снова спускаться по лестнице. Словно в ответ на ее молчаливые мольбы, это утихло. Пол был влажным. Янтэ сначала подумала, что это наплескало на пол, ворочаясь в канале. Но когда она добралась до дверей, оказалось, что она стоит уже по щиколотку в воде. Стараясь не думать о том, что это может означать, Янтэ подергала дверь. Та зашаталась, но не поддавалась. Девушку мгновенно ожгло отчаянием, и она принялась лихорадочно ощупывать створки в поисках запора. И почти тут же нащупала ременную петлю, закрепленную на гвозде. Ага, вот в чем секрет! Человек, знавший, как устроен запор, мог просунуть нож в нужную щель между досками и открыть створки, зато никто незнакомый не мог заглянуть в грот. Она откинула петлю, створки распахнулись, и тусклый солнечный свет залил грот. Теперь Янтэ могла увидеть, что в самом деле стоит на краю канала, в котором плавают что-то темное и большое. Вот это медленно поднялось к самой поверхности воды, вот на макушке открылось со знакомым уже пыхтением отверстие, вот существо снова нырнуло, поворачиваясь на бок, так что на мгновение мелькнул круглый, полускрытый мясистым наростом глаз, и Янтэ догадалась, что перед ней дельфин вроде тех, что водились у них в реках – только черный и огромный.

И тут же она почувствовала, что вода доходит ей уже до середины икр. Янтэ взглянула на море и сразу поняла, какая опасность ей грозит. Начался утренний прилив, он гнал воду на берег, и, судя по тому, с какой скоростью та поднималась, грот вот-вот должно затопить. Янтэ вцепилась в решетку и отчаянно закричала:

– Эй, помогите! Я здесь! Помогите!

Глава 11. На морском берегу (окончание)

Она не поверила своим глазам, когда увидела человека, бегущего по воде. Это был Аверил. Он схватил ее за руки:

– Великий Мастер! Что ты здесь делаешь?

– Я... я случайно...

– Ладно, не важно, погоди, я сейчас открою!

Он достал из кармана ключ, отомкнул замок, вывел Янтэ на свободу и снова быстро накиннул цепь на решетку и защелкнул дужку замка.

– Сейчас я не смогу нести тебя, – выговорил он, задыхаясь. – Сможешь забраться наверх сама?

Янтэ, не отвечая ни слова, полезла вверх по склону. Аверил страховал ее и поддерживал. Когда они снова оказались на холме у беседки, он, не слушая возражений, подхватил ее на руки.

– Ты совсем промокла, – сказал он. – Тебе нужно как можно скорее попасть в тепло.

– Я... мочь иду.

– Может быть, но я не могу на это смотреть, – отрезал он.

* * *

Час спустя Янтэ уже нежилась в теплой ванной, а Аверил на кухне под одобрительными взглядами слуг жарил рыбу. Они тоже прекрасно знали, чем должен заниматься молодой муж во время медового месяца.

Когда горничная Янтэ дала ему знать, что молодая госпожа завернулась в пеньюар и забралась под одеяло, он поставил тарелку с рыбой и стакан с горячим молоком и ложкой коньяка на поднос и постучался в комнату жены.

Янтэ выглядела неплохо. Похоже, приключение в гроте больше взбудоражило, чем напугало ее, – во всяком случае, с лица наконец сползла эта приклеенная сладкая улыбка, и оно стало не кукольным, а живым.

– Кто там был? – спросила она, едва Аверил вошел в дверь.

– Постой, постой, сначала я спрошу, – он поставил поднос на прикроватный столик и присел на покрывало, любуясь ее влажными волосами, рассыпанными по подушке. – На берегу ты говорила на нашем языке? Ведь так?

Янтэ покраснела и кивнула.

– Я думала, если там будет проходить кто-то другой, он не поймет...

– Но почему ты скрывала, что знаешь наш язык?

– Потому что знаю его очень плохо.

– Ну и что? – Аверил искренне удивился. – Никто и не ждет от тебя, чтобы ты знала его хорошо. Но ты никогда не выучишь язык, если вообще не будешь на нем разговаривать. Хотя бы со мной. Я много лет коверкал ваш язык, так что будет только справедливо, если ты немного поковеркаешь наш. Языку от этого не больно, поверь мне. Договорились?

– Хорошо, – медленно произнесла Янтэ на аврелианском. – Так там был что?

Аверил не стал ее поправлять, решив, что еще успеется. Вместо этого он ответил:

– Это Китиха, Подательница Рыбы. Она заплывала в наш залив давным-давно – охотилась на морских слонов. Ее поймали и замуровали там. Она хранит Линдали и рыбацьи лодки в море.

– О! – Янтэ не нашлась что сказать.

Она знала от Тиэ, что Аверил упрекал их за жестокий обычай, согласно которому неудачливая Танцовщица отдает свое тело Другам. Но оказывается, и его соплеменники могут быть не менее жестоки, когда речь идет о благополучии.

– И кстати, опасность тебе не грозила, – поспешно сказал Аверил. – Вода в прилив не доходит до крыши грота, иначе Китиха не смогла бы дышать. А на случай необычно высоких приливов там проложены трубы, по которым вода уходит в озеро.

«Так вот откуда появляются водоросли в том озере», – сообразила Янтэ и произнесла тихо:

– Да, я должна... должна была думать. А как ты придумал, где я?

– Я как раз возвращался с рыбалки и услышал твой голос, – ответил Аверил. – Просто повезло. Кстати, я ловил рыбу для тебя. Помнишь, я рассказывал вчера о нашем свадебном обряде? Ты готова его продолжить?

Она кивнула. Тогда он со смущенной улыбкой отщипнул маленький кусочек рыбы и поднес его к губам Янтэ.

* * *

Когда он уходил, она окликнула его уже на пороге:

– Аверил!

– Что?

– Когда мы...

Она поморщилась, пытаясь вспомнить слово, а потом показала, что имеет в виду таким красноречивым и интернациональным жестом, что Аверила мгновенно бросило в краску.

– Уже... уже совсем скоро, – сказал он, не поворачиваясь, чтобы Янтэ не заметила его возбуждения. – Я кормил тебя плодами земли и плодами моря. Теперь мне осталось добыть дичь. Думаю, за этим дело не станет. Тут в полях полно перепелов. Ты любишь перепелов? Ах да, ты же их никогда не ела. А мы с братом, бывало, охотились на них каждую осень. Кстати, совсем забыл – к обеду должен приехать из столицы мой брат. Он адвокат и в этом году собирается баллотироваться... Впрочем, это неважно. Как ты думаешь, ты сможешь спуститься к обеду?

– Смогу.

– Вот и отлично. Постарайся хорошенько отдохнуть.

* * *

Кадис-младший вполне оправдывал свое имя и являл собой окультуренный вариант отца. Тоже низкорослый и коренастый, он искупал свой мало аристократичный вид безупречным костюмом и не менее безупречными манерами. Он был настолько галантен, что Янтэ снова замкнулась и так и не решилась показать, что понимает аврелианский язык. Впрочем, теперь это превратилось в их с Аверилом секрет, и когда муж начинал переводить ей застольные разговоры, они сначала обменивались заговорщицкими взглядами.

Аверил переводил с пятого на десятое. Кадис рассказывал о столичных новостях: о премьерах, о светских сплетнях, о жизни императорской семьи – словом, обо всем, что еще не могло волновать Янтэ и уже давно не волновало Аверила. Поэтому молодожены коротали

время, играя в гляделки, что грубо нарушало застольный этикет, но что им охотно прощали все сидящие за столом.

Когда обед был окончен, женщины удалились в гостиную пить чай, мужчины расстегнули куртки и остались за столом с сигарами и портвейном.

– Позволь тебя поздравить, братишка! – тут же начал Кадис. – Отличный выбор. Обязательно привози ее в столицу, вы произведете фурор.

– Только фурора мне и не хватало, – искренне сказал Аверил. – Кстати, как насчет того, чтобы поохотиться сегодня на рассвете?

– А... вы уже дошли до охоты? – понимающе усмехнулся Кадис. – Ну что ж, охота пуще неволи, так ведь? Ладно, ладно, не скрипи зубами. Но с одним условием. Для того чтобы мне было легче вставать в жуткую рань, ты должен обещать, что расскажешь, как у вас это все получилось.

– А ты давно обещал мне рассказать, что у вас слышно насчет Островов Малой Луны, – вмешался Кадис-старший, заметив, что его сыновья по своему обыкновению уже готовы поссориться. – Я слышал, доклад экспедиции в Адмиралтействе наконец состоялся. И каковы результаты?

– О, все превосходно! Там совершенно дикие места, и несчастные туземцы постоянно страдают от голода и нищеты. Парламент считает, что мы просто обязаны вмешаться и взять несчастных под свое покровительство.

– А что об этом думают в Землях Ящериц?

– Хм! Ну, достоверных сведений, разумеется, в прессе нет, но я полагаю, что они не станут сидеть сложа руки. От Островов Малой Луны до их портов для крейсера всего ночь хорошего хода. Поэтому, честно говоря, я удивлен, что отец Остен так легко дал тебе отпуск, Аверил. Грядут большие военные заказы, глядишь, и вам что-то перепадет. Хочешь хороший совет? Поторопись со своей дичиной. Не ровен час – примчится вестовой с пакетом – и раз-два под ружье...

Кадис-младший откинулся на спинку кресла и принялся весело насвистывать «Мой бра- вый женишок-солдат...»

* * *

Следующее утро принесло Аверилу сплошные разочарования. Проклятый лежебока Кади проспал и долго отказывался вылезать из постели. Когда же наконец Аверил плюнул на него и пошел стрелять перепелов один, драгоценное время было упущено: солнце встало, и ни одна птица не соизволила подставить себя под выстрел нетерпеливого жениха.

Возвращаться ни с чем домой и выслушивать шутливые извинения и утешения Кади было мучительно, но еще большие мучения он испытал днем, когда в гости к матушке пришли соседки из местной Мастерской швей, и они вместе с Янтэ заперлись в гостиной, чтобы наконец распаковать и должным образом оценить покупки Аверила в Городе Сорока Островов.

Аверил, сидевший в библиотеке и пытавшийся вчитаться в найденную там статью об устройстве турбин, слышал из-за дверей шорох материй и приглушенные возгласы восхищения, а злое воображение рисовало ему Янтэ в самых что ни на есть соблазнительных драпировках и позах.

Не лучше оказался и следующий день. Перепела решительно отказывались окропить своей кровью алтарь любви. Аверил в конце концов отчаялся и решил сбегать на лесное озеро, где, по его воспоминаниям, когда-то водились дикие утки. Каково же было его разочарование, когда, прошагав больше часа по еле заметной тропинке, вымокнув в росе и вымазавшись в паутине, он обнаружил, что там давно проложили проселочную дорогу, поставили мельницу,

а в озеро напустили домашней птицы, приветствовавшей горе-охотника самодовольными криками.

Днем он, правда, улучил момент и отправился с Янтэ на прогулку, но поскольку спал в последние две ночи очень мало, то быстро выбился из сил и был довольно невнятен, так что девушка вскоре сама предложила вернуться.

В конце концов его спасла посудомойка Силли – девица бойкая и бесцеремонная. Она подкараулила его у конюшен и затараторила:

– С позволения вашей милости позвольте сказать. У нас за деревней на Козьем холме видимо-невидимо кроличьих норок! Мой брат каждое утро оттуда кроликов таскает.

Весь следующий день Аверил учился у брата Силли плести петли из конского волоса, обтачивать колышки и расставлять ловушки у норок. И наутро он с торжествующим видом принес домой кролика, отправившись напрямиком на кухню.

* * *

Янтэ решила что-то сделать со своей прической. Ей надоел строгий узел на макушке, который она научилась скручивать с раннего детства. Здешние женщины проделывали с волосами множество забавных вещей. Они закручивали их на висках, укладывали косами, свисавшими на шею, взбивали высоко наверх, украшали лентами, цветами, драгоценными камнями, искусственными фруктами, перьями и еще чего-чего только не делали! Янтэ захотелось поразить всех домашних. Что если она распустит волосы, немного завьет их и уложит в прическу? Но как объяснить горничной, что от нее требуется? Ну конечно же, нужно показать ей журнал, только и всего. Ой, кажется, она забыла журнал в гостиной!

Крадучись она спустилась вниз по лестнице и замерла в дверях. В библиотеке разговаривали мужчины. Дверь была приоткрыта. К счастью, журнал лежал на диване у стены, и если она быстро добежит и схватит его, ее не заметят.

Янтэ сняла туфли и приготовилась к вылазке, но тут долетевшие из библиотеки слова приковали ее к полу.

– Янтэ... – сказал господин Кадис. – Уже... – она не поняла слово, – в гроте.

– В первое же утро? – удивился Кадис-младший. – Ну и... – она снова не поняла слово, – девушка!

– Алез... две декады...

– В самом деле?

– Да. Даже пришлось... она рассказывала истории... про грот, куда нельзя ходить.

– Да, правильно говорят: хочешь, чтобы женщина что-то сделала, – запрети ей это, – сказал Кадис с противным смешком.

Последнюю фразу Янтэ поняла от начала до конца.

* * *

Аверил советовался с поварихой. Он опасался, что дикий кролик окажется слишком жестким, если его просто пожарить, а ему хотелось для Янтэ самого лучшего. В конце концов они решили замариновать кролика в вине и после потушить с пряными травами и орехами. Аверил засучил рукава и принялся за дело.

* * *

Янтэ вернулась в спальню, забыв про журнал, и решительно закрутила волосы в узел так туго, что из глаз брызнули слезы. Останься у нее хоть одно из старых платьев, с каким наслаждением она выбросила бы все аврелианские тряпки!

Так значит, они смеются над ней! Он смеялся... Как знать, может быть, он тоже сидел сейчас в библиотеке и потешался над ней вместе с отцом и братом. Он ждал, когда она сама себя поймает в ловушку, чтобы потом явиться к ней спасителем! Так вот почему у него был ключ в кармане! А она-то даже не подумала, что никто не отправляется на рыбалку с ключами! Дура она, дура. Поделом ей.

* * *

Тем вечером Аверил завершил свадебный обряд, а ночью в первый раз сблизился со своей женой. Как все мужчины Аврелии, он ждал этого дня много лет. С незапамятных времен в Аврелии верили, что женщина обладает врожденными чарами и может навести порчу на того, кто проникает в нее без защиты. Создавая защиту, муж брал жену в дом еще девочкой и выкармливал из собственных рук, чтобы она стала с ним связана и не могла причинить вред. Постепенно этот обряд свелся к трем ритуальным трапезам, остатки от которых – косточки плода, кости рыбы и дичи – закапывали под столбами дома. Для современных здравомыслящих мужчин свадебный ритуал стал просто еще одной забавной традицией, и тем не менее мало кто рисковал сблизиться с женщиной, которая не прошла обряд, иначе как с презервативом, сделанным из коровьей кишки.

Женатые друзья Аверила в минуты откровения сладострастно закатывали глаза и говорили с придыханием: «Ну что ты! Это и близко не лежит с тем удовольствием, которое получаешь в публичном доме. Когда двое на самом деле становятся одним, это...» – и они целовали кончики пальцев и причмокивали. Аверил подозревал, что они немного э-э-э... преувеличивают, и все же в глубине души мечтал о ночи, когда окажется в одной постели с женщиной, которой сможет полностью доверять и которая будет полностью доверять ему.

И вот эта ночь пришла... и прошла. И Аверил спрашивал себя, а чего он, собственно, ждал? Все было как обычно. Нет, Янтэ была очаровательна, от запаха и прикосновений к ее коже у него кружилась голова, он старался быть нежным, и она даже ни разу не вскрикнула, он не утомил ее, так как долгое ожидание принесло свои плоды. Она не плакала, а спокойно заснула на его плече... И все же... Где... нет, не неземное блаженство... где то чувство единения, которое и отличает супружеские отношения от случайной связи?

Аверил уговаривал себя, что он не должен торопиться, они с Янтэ скоро привыкнут друг к другу, и она постепенно станет его милой женушкой, но в глубине души поселилась холодная тоска. Неужели они обречены повторить судьбу его родителей?

«А что если?... – обожгла его страшная мысль. – Что если Янтэ каким-то образом узнала, что он переспал с ее матерью? Что тогда? Просить у нее прощения? Все объяснить? Но что, собственно, объяснять? Что Эстэ соблазнила его, и он не смог ей противостоять, поддался, как мальчишка. А потом она заставила его жениться на своей дочери? Нет, лучше уж молчать...»

Поэтому, когда через несколько дней действительно пришла телеграмма от отца Остена, в которой Аверилу предписывалось как можно скорее вернуться в Мастерскую, юноша вздохнул с облегчением.

– Думаю, Янтэ будет лучше пока погостить у вас, – сказал он матери. – Она понемногу учится говорить по-аврелиански, значит, вы сможете объясниться. Найди для нее учительницу.

Я пришла за ней, как только обустрою свою квартиру в Мастерской так, чтобы женщина могла зайти туда без страха и омерзения.

– Конечно, Аверил, я буду только рада, если Янтэ поживет у нас, – ответила госпожа Алез с печальным вздохом, противоречившим ее словам. – Не грусти, мой мальчик, вы еще очень молоды, у вас еще столько впереди...

Глава 12. В Мастерской

Говорят, когда-то в Городе Сорока Островов было ровно сорок Мастерских: по одной на каждый остров.

Сейчас это, разумеется, давно уже было не так, но все-таки люди, работавшие в одной Мастерской, предпочитали селиться рядом, питаться в общей столовой, покупать нужные вещи в одних и тех же магазинах, – и по городу бежали прихотливые невидимые границы, отделявшие Мастерские корабелов от Мастерских навигаторов, Мастерские строителей от Мастерских швей, Стекланный городок от Фарфорового, район писцов от района живописцев, Биржу извозчиков от Биржи ямщиков, Сенной рынок от Сытного рынка, казармы лейб-гвардии от казарм артиллерийского полка. Мастерские сливались, дробились, расширяли или теряли свои территории, и вся эта причудливая география отражала ритм жизни большого города-порта. Мастерская авиаторов как одна из самых молодых не нашла себе места в городе и расположилась за городом.

Но прежде чем ехать с отчетом к отцу Остену, Аверил решил ответить на любезное приглашение Вигилиса и посмотреть, что у них там за «опытовый бассейн». Время было раннее, а потому город выглядел пустым. Только мелькали в витринах продавщицы – освежали товар перед открытием; бежал по улице мальчишка-письмоносец; у рынка завтракали прямо на бревнах рабочие, возвращавшиеся с ночной смены.

Мастерская корабелов тоже располагалась на окраине, но отнюдь не потому, что была молодой или ей не придавали особого значения. Просто корабелы предпочли занять территорию поближе к заливу. Едва экипаж Аверила покинул центральные районы, мостовая тут же кончилась, пошли бугры, колдобины, глубокие лужи, не просыхавшие и в самую жару, да обширные поля густой грязи – городские зыбучие пески, выбраться из которых удавалось не всякому потерявшему осторожность бедолаге.

Мастерская была обнесена высокой стеной. Вход обозначала стройная арка с белыми колоннами, которая была видна издалека на фоне одноэтажных деревянных домиков, какими по преимуществу застроили этот район. Остров и набережную разделяла широкая протока, плотно набитая баржами, груженными лесом. С баржи на баржу были перекинута доски, и по этому самодеятельному плашкоутному мосту Аверил и перебрался на другой берег.

У ворот его остановила охрана. Впрочем, когда Аверил предъявил рекомендательное письмо Вигиса, его мгновенно и без лишних вопросов пропустили внутрь Мастерской. Войдя, он остановился у ворот, осматриваясь и соображая, что тут к чему. Ясное дело, в Мастерской отца Остена частенько царил хаос, но масштабы работ, а соответственно, и масштабы хаоса были несопоставимы. Вдоль стены сушились вертикально огромные стволы лиственниц – и это были, пожалуй, единственные предметы в Мастерской, остававшиеся в покое. По всему двору по деревянным мосткам носились взад и вперед рабочие с тачками, в стороне скрипел и опасно качался поднимавший тяжелое бревно кран, вокруг него сустились с полдюжины человек, истошно визжали пилы, стучали молотки, рабочие оглушительно орали:

- Поберегись!
- Стой!
- Сдай назад!
- Ты оглох, что ли?!

«Понятное дело, оглох», – подумал Аверил. Сначала он даже не мог разглядеть опытовый бассейн, ему пришлось останавливать рабочего и, перекрикивая общий шум, задавать вопросы. Наконец он сообразил, что бассейн располагается в глубине двора между двумя бараками и является центром царящего здесь хаоса. Когда он подошел поближе, то увидел, что на воде качается большая и крутобокая модель крейсера. Два человека бегали по борту бассейна со шлангами и поливали ее водой. Еще четыре человека без усталости качали насосы. Еще трое или четверо возились с маленьким паровым котлом со странной трубой, напоминавшей то ли гигантский музыкальный инструмент, то ли великанскую трубу патефона, которую его хозяин по какому-то капризу разогнул о колено. Из трубы вырывался поток воздуха и яростно раскачивал корабль. Руководил всей этой вакханалией человек с мегафоном, стоящий на вышке над самым бассейном. Как раз в тот момент, когда Аверил подошел к бассейну, человек закричал:

– Эрин! Давай девять баллов!

Один из рабочих, обслуживавших «патефон», передвинул рычаг. Труба отчаянно взревела, корабль перевернулся кверху днищем и медленно, не теряя достоинства, затонул. Человек на вышке поднял руку, и все вокруг мгновенно смолкло. Вода перестала течь из шлангов, труба больше не извергала воздух. Человек спустился с вышки, сказал с мрачным удовлетворением:

– Ну вот. Что и требовалось доказать. – И кивнул двум парням с баграми, дежурившим рядом с вышкой. – Все, ребята, можно доставать модель.

Затем он заметил на другом берегу бассейна Аверила и направился к нему.

– А вы откуда тут взялись, молодой человек? Что-то я вас не помню.

Аверил представился и протянул письмо.

Мастер прочитал его, хмыкнул:

– А... понятно. Что ж, считайте, что вам повезло. Самое интересное вы уже видели. Только что мы успешно провели испытания, моделирующие ситуацию тушения пожара в открытом море при сильном боковом ветре.

– Успешно? – невольно переспросил Аверил.

Мастер скривил уголок рта.

– Ясное дело, успешно. Испытание показало, что корабль не обладает достаточной устойчивостью. Дальше – дело проектировщиков. Пусть ищут свои ошибки и исправляют их. Еще вопросы есть?

Аверил указал на «патефон».

– С помощью этого устройства вы моделируете силу ветра?

– Да. Это воздуходувная труба. Два вентилятора приводятся в действие малой турбиной Приса с решеткой вместо лопастей. Пар на турбину подается от котла. Редуктор с переменным передаточным числом позволяет изменять силу потока при постоянном числе оборотов турбины.

– Вы позволите зарисовать? – сказал Аверил, доставая блокнот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.